

ИЗМЕНА ДРАКОНА

Я УХОЖУ

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬИЕВ

Александр Витальев

Измена дракона. Я ухожу

<https://litres.ru/74292579>

SelfPub; 2026

Аннотация

На приеме в честь новой невесты рода Элина Вейр узнает, что муж-дракон Рейнар Эш уже списал ее в мастерскую без имени и денег. Она разбивает брачный кубок, забирает свои трубки и открывает собственную стеклодувную мастерскую, где выдудое ею стекло проявляет трещинами любую ложную клятву. Когда первая партия кубков для городского совета начинает кричать о подделке подписей, Рейнар вынужден выбирать между титулом главы огненного рода и публичной правдой, а Элина впервые за годы решает сама, стоит ли ему верить.

Содержание

Глава 1. Письмо на столе	4
Глава 2. Ключ от кухни	22
Глава 3. Трубки на столе	41
Глава 4. Комната над лавкой	60
Глава 5. Сломанная дверь	77
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Александр Витальев

Измена дракона. Я ухожу

Глава 1. Письмо на столе

Я перечитала письмо трижды, прежде чем поняла, что держу его не той рукой. Пальцы затекли от чашки, чернила расплылись там, где я коснулась мокрой кромкой, и теперь строчка о «новом порядке дома Эш» читалась криво, будто кто-то нарочно спрятал главное слово. Я отложила чашку, вытерла ладонь о передник и подвинула к себе лист так, чтобы свет из окна упал ровно.

Стол в каморке над лавкой Марты был узкий, на двоих не рассчитанный. Слева лежала моя рабочая трубка, справа — вчерашний список заказов, которые я сама себе выдумала, чтобы не сидеть без дела. Между ними — письмо. Не мое. Письмо нашли в ящике у мальчишки-посыльного, когда его привели ко мне с ожогом руки. Он клялся, что не знает, от кого сверток. Я ему поверила, потому что пахло от конверта чужими духами, и я знала эти духи — Иссара Вельт любила сирень с отравой.

Я разгладила сгиб. Печать была сорвана, но отпечаток остался: родовой знак Эш, тонкий, как крыло стрекозы. Под ним стояло имя Кастора. Внутри — три строки о том, что «по-

рядок в мастерской и печи рода требует временного управления», и внизу, совсем мелко: «по согласованию с нынешней хозяйкой огненного дома». Хозяйкой. Не невестой. Хозяйкой.

Я медленно сложила письмо и посмотрела на свою правую руку. Клеймо гильдии, которое я получила вчера, еще болело — тонкая красная полоска у основания большого пальца, похожая на ожог. Я вписана в реестр. Я имею право на казенный заказ. А Кастор пишет про «временное управление» мастерской, которую я арендовала у Марты, и вкладывает в рот Иссаре слова о том, что печь рода откроется для нее, если она станет женой Рейнара.

Это не слух. Это документ. Это бумага, которую можно подшить к делу.

За стеной скрипнула лестница. Я не обернулась — узнала шаг. Тяжелый, мужской, с привычкой ставить ногу с носка. Рейнар. Он не имел права входить без приглашения, мы это условие проговорили у двери черного хода, когда он приходил просить показать трещины на кубках. Но он уже стоял в дверном проеме, плечом в косяк, и смотрел на письмо в моих руках.

— Я слышал про мальчишку, — сказал он. Голос был ровный, но я слышала, как он сглатывает. — Ты его вылечила.

Я промолчала. Он шагнул ближе. На запястье блестел обручальный браслет. Тот самый, который он должен был снять после развода и который носил до сих пор, будто за-

был, что развод случился по его вине.

— Это от моего дяди, — сказал он, кивнув на письмо. — Я не знал, что он пошлет бумагу в твою мастерскую. Я пришел сказать: не отвечай.

Я подняла глаза. Он стоял в полушаге от стола, и от него пахло холодом и дымом — родовым жаром, который он больше не имел права разжигать без согласия совета. Он пах чужим домом.

— Рейнар, — сказала я, и голос мой прозвучал спокойнее, чем я ожидала. — Твой дядя подделывает подписи совета. Твой родовой знак стоит под бумагой, где мою мастерскую отдают под «временное управление». Ты это знаешь?

Он не ответил. Только сжал челюсть, и я увидела, как дернулась жилка у виска. Впервые за долгое время он выглядел не как глава огненного рода, а как мужчина, которому только что показали его собственный стыд.

— Если ты не ответишь, — продолжала я, — совет не узнает, что Кастор пишет от имени Рейнара Эша бумаги, на которые не имеет права. Если ты не ответишь, Иссара получит печь. Если ты не ответишь, мальчишка останется без ожогового лечения, а я — без права доказать, что он пострадал по вине твоего дома.

Я положила письмо на край стола, рядом со своей трубкой, и подвинула к нему.

— Я отвечу. Я отвечу так, что совет узнает и про подделку, и про «временное управление», и про то, почему мальчиш-

ка таскал чужие конверты в мой дом. Ты можешь не присутствовать при этом.

Он смотрел на письмо. Потом на мою руку — на красную полоску клейма, которая еще болела. Потом на дверь, за которой слышались шаги Марты, несшей настойку для ожогов.

— Я подпишу, — сказал он наконец, и это прозвучало так тихо, что я едва расслышала. — Только не за здоровье Сольвейг.

Я отвернулась к окну, чтобы он не увидел, как я сжала губы. За стеклом падал снег, мокрый и тяжелый, и я подумала, что к вечеру он растает на камнях мостовой, и тогда город снова будет пахнуть сиренью и гарью. И письмо ляжет в ящик стола. И я его подошью к делу, которое начну сама.

— Тогда подписывай, — сказала я. — Чернила на столе, печать — твоя.

Я резала бинт, когда услышала, как он чертит пером. Звук был короткий, сухой, родовой — я знала этот нажим: рука привыкла к печати, а не к письму. Марта стояла у плиты, спиной к нам, и молча грела настойку. Мальчишка-посыльный спал на лавке, его обожженная рука лежала на чистой тряпице, и от нее пахло лавандой и жженой кожей. Я не оборачивалась. Пусть он пишет. Пусть его рука дрожит — мне нужна была не его храбрость, мне нужна была его подпись под фактом, который совет сможет прочесть без оговорок.

Когда перо стукнуло о подставку, я отложила ножницы и посмотрела на стол. Лист лежал подсохший, с ровной стро-

кой внизу и оттиском кольца с родовым знаком. Рейнар писал медленно, выводя буквы, как будто каждая была клятвой, которую он давал впервые в жизни. Я прочла, не касаясь бумаги. «Я, Рейнар Эш, глава огненного рода, подтверждаю, что бумага о временном управлении мастерской стеклодува Элины Вейр подписана моим дядей Кастором Эш без моего ведома и без согласования с советом. Печать на документе подделана». И ниже, отдельно: «Заявляю о случившемся в совет гильдий лично».

Он не написал «за здоровье Сольвейг». Не написал, что снимает с себя вину. Написал только то, что от него требовалось сегодня, и ничего больше.

— Этого хватит, — сказала я и забрала лист, не поблагодарив. — Завтра я отнесу его в канцелярию совета вместе со своим прошением о клейме. Копию оставляю у Марты, копию — у Лины Корд. Если к вечеру в мастерскую придут от Кастора, я буду знать, что совет уже получил бумагу.

Он смотрел, как я убираю письмо в ящик стола. На его запястье блеснул браслет, и я подумала, что нужно будет напомнить ему о нем при свидетелях, а не наедине у лестницы. Наедине он мог сказать, что забыл. При свидетелях — не посмел бы.

— Я пойду, — сказал он и не двинулся с места. Стоял, и я видела, как у него сжимаются пальцы у бедра. Он хотел что-то добавить, и я ждала — не потому что хотела его слов, а потому что хотела услышать, что именно он выберет сказать

сейчас, когда подпись уже высохла.

— Я не за Сольвейг, — произнес он наконец. — Я за тебя. И это не просьба.

Я подняла на него глаза. Он стоял в полушаге, и я впервые за долгое время увидела на его лице не расчет, не привычку командовать, а усталость. Он выглядел как человек, который держит дверь, а с той стороны напирают те, кого он сам впустил.

— Тогда иди к совету сам, — сказала я. — Не через меня. Через собственную дверь. Через собственное имя.

Он кивнул, коротко, по-мужски, и вышел, не оглядываясь. Марта обернулась от плиты, посмотрела на закрывшуюся дверь, потом на меня.

— Он подписал? — спросила она.

— Подписал, — ответила я. — Завтра отнесу в канцелярию.

Она кивнула и пошла в лавку. Я осталась у печи, и мне нужно было думать не о браслете, который блестел на его запястье, а о работе. Дрова лежали сырые, но я умела разжигать и такие. Мне нужно было тепло, чтобы стекло пошло ровно, и мне нужно было утро, чтобы поверить, что подпись на бумаге означает больше, чем чернила.

Я подбросила полено, проверила жар и пошла в лавку. Тина, ученица Корвены, принесла записку от Марты: Соль была у Кастора с двумя писарями, искала книгу подписей, ушла ни с чем. К записке была пришта приписка Марты: «Сак-

вояж в синем сундуке, не трогай до совета». Я спрятала бумагу в карман передника, к камню с маминой буквой М, и вернулась к печи.

Печь разгорелась только к третьей закладке, и я ругала себя за сырые дрова: пока они схватывались, стекло на столе покрылось тонкой испариной, и это означало, что к полудню я не успею выдуть даже один кубок. Я замесила новую порцию из буры, толченого мела и оловянной пудры, зачерпнула трубкой и начала выдувать. Стекло под ладонью было тугим и горячим, жар стоял ровный, и я впервые за утро поверила, что этот кубок у меня получится. Через час на лавке стоял сосуд — мутный, с пузырьками, но мой. Я поставила его остывать и посмотрела на мальчишку. Он спал, дыша часто и неглубоко, и я поняла, что к утру у меня будет только один кубок, а не три.

Из-за двери слышались шаги Тобиаса — тяжелые, сбивчивые, мальчишечьи. Он вошел без стука, прижимая к груди обожженную руку, и я увидела, что бинт сполз, а под ним кожа порозовела и натянулась. Я молча кивнула на лавку, размочила бинт, наложила свежую повязку и спросила, не глядя на него:

— Как тебя угораздило?

— На кухне старейшины Кастора, — выдавил он. — Спутал заслонку. Печь выдохнула, я полез закрыть, а жар хлестнул. Хозяин велел молчать, но я не мог молчать, потому что у них там, у старейшины, на столе лежала бумага с печатью,

и я видел, как он прикладывал чужую руку к воску.

Я замерла. Руки у меня уже были заняты бинтом, но я не слышала, что делаю.

— Какую бумагу? — спросила я.

— Лист про помолвку, — прошептал он. — Там стояла подпись, но не его. Я подумал, что ошибся, и подошел ближе. Тогда он велел мне выйти. Я и вышел, а потом печь выдохнула.

Я перевязала ему руку, помогла лечь и сама села на табурет у печи. В голове у меня сложилось быстро и холодно: у старейшины Кастора я видела печать рода раньше, он ею пользовался не часто и всегда на моих глазах. Подмененная подпись под новой помолвкой, родовой жар, который обжег мальчишку не за то, что он трогал заслонку, а за то, что он видел чужую руку на печати. Это была не случайность, это была улика, и она лежала у меня в мастерской, на лавке, с обожженной рукой.

— Марта, — крикнула я. — Мне нужен чистый лист и твоя печать. Я напишу объяснение сегодня, а завтра отнесу его в совет вместе с прошением. Если Соль будет там, я хочу, чтобы она увидела, что я пришла не просить, а требовать.

Тина вышла из-за прилавка и передала мне чернильницу. Я взяла перо, обмакнула и написала, не поднимая глаз:

«Пршение в совет гильдии. Смиренно прошу вписать меня в реестр как свободную вдову, мастера-стеклодува. Объяснение по заказу совета: заказ выполнен на печи подма-

стерья Лины Корд, так как родовая печь Эш мне недоступна без согласия главы, согласия я не получала. Прощение подано в срок, дважды отложено голосование. Прошу рассмотреть завтра при инспекторе Соль».

Я подписала, дала Марте приложить ее печать, и мы пошли в лавку. Я выложила лист на прилавок, чтобы он подсох, и только тогда посмотрела на мальчишку через дверной проем. Он уже засыпал, и обожженная рука лежала у него на груди, как маленькое доказательство.

— Марта, — сказала я. — Завтра мы идем в канцелярию вдвоем. Я подаю прошение, ты подтверждаешь печать. Если совет опять захочет отложить голосование, я попрошу слова и зачитаю объяснение вслух. Мне нужно, чтобы в зале была Марта Сай, а в протоколе — Элина Вейр.

Марта посмотрела на меня и кивнула. Рука у нее чуть дрожала, но кивок был твердый.

— С тобой, — сказала она.

Я вернулась к печи, подобрала вторую трубку, зачерпнула стекло и начала выдувать кубок. Стекло под ладонью было тугим и горячим, жар стоял ровный, и я впервые за утро поверила, что этот кубок у меня получится. Тобиас застонал во сне, и я подумала, что мне придется отпроситься у совета на час раньше, чтобы не оставлять мальчишку одного. Но это была не цена, это была работа, и я знала, что справлюсь.

Шаги на лестнице заставили меня обернуться. Тяжелые, размеренные, мужские, с привычкой ставить ногу с носка. Я

не двинулась с места. Шаги замерли у двери, и я почувствовала, как кто-то переступил порог. Запах кожи и холодной золы я узнала раньше, чем голос.

— Элина, — сказал Рейнар.

Я продолжала выдувать. Мне нужно было закончить стенку, пока стекло не остыло.

— Ты обещал не входить без приглашения, — сказала я, не поднимая глаз.

— Я не вошел, — ответил он из дверного проема. — Я стою на пороге.

Я положила кубок на лавку, вытерла руки о фартук и повернулась к нему. Он стоял на пороге, в дорожном плаще, и смотрел на печь, на лавку, на спящего Тобиаса, и я видела, как он считает в уме: чужое помещение, чужая печь, чужой мальчишка с обожженной рукой. Браслет на его запястье блестел при свете огня.

— Зачем ты пришел? — спросила я.

— Привез письмо от Иссары, — сказал он и протянул мне свернутый лист.

Я не взяла его. Он постоял, потом положил письмо на край стола, и я заметила, что печать на нем была не родовая, а личная — маленький дракон с опущенными крыльями. Я знала эту печать: так Иссара Вельт подписывала только то, что не хотела показывать своему отцу.

— Она просит разрешения прийти в мастерскую, — сказал Рейнар. — Как ученица.

Я посмотрела на него. Глаза у него были темные, и я видела в них то, что он не договорил: он привез это письмо не потому, что Иссара попросила, а потому, что хотел проверить, соглашусь ли я.

— Я подумаю, — сказала я.

Он кивнул и не двинулся с места.

— Мальчишку надо к лекарю, — сказал он тихо.

— Марта перевязала. Утром отвезу к Лине Корд.

— Я могу отвезти.

— Нет, — сказала я. — Ты неходишь в мастерскую без приглашения, и ты не увозишь отсюда людей без моего слова.

Он смотрел на меня долго, и я видела, как у него дернулась щека. Потом он отступил на шаг и сказал:

— Завтра я буду в канцелярии совета. Не как глава рода, а как свидетель. Если тебя снова попытаются отложить, я попрошу слова.

— Не надо, — сказала я. — Я сама попрошу слова.

Он кивнул, отступил еще на шаг и сказал:

— Тогда я буду молчать. Но если тебя не впишут в реестр после сегодняшнего объяснения, я подам встречное прошение — как частное лицо, без печати.

К вечеру в лавке стало холоднее. Жар уходил в трубу, печь дышала реже, и я подбросила два мелких полена из запаса Марты, чтобы поднять температуру хотя бы на час. Тобиас дремал на лавке у стены, подложив под голову чистую тря-

пицу. Рука под повязкой лежала ровно, и я проверила, нет ли жара, коснувшись тыльной стороны ладони. Кожа была прохладная. Хорошо.

Снизу стукнула дверь черного хода. Я узнала шаг — тяжелый, мужской, с короткой остановкой на третьей ступени, где я вбила медные гвозди. Рейнар не имел права входить. Мы это вчера проговорили у порога, и я поставила засов на два оборота. Но шаг не ушел. Остановился за дверью и стоял, и я слышала, как он переносит вес с ноги на ногу, будто решал, постучать или уйти.

Я натянула чистый фартук поверх передника, вытерла руки о тряпицу и подошла к двери.

— Не стой там, — сказала я в щель. — Если пришел по делу, говори через порог. Если без дела, уходи.

Тишина. Потом его голос, глухой, без обычной команды: — Я принес твой замок. Который лежал в нише у водостока.

Я прижала ладонь к двери. Замок из ниши. Мамин медный, с зазубриной на ободке, который Кастор должен был узнать по отметке. Я искала его со вчерашнего утра и не нашла. Я думала — Рейнар его забрал, когда менял замок на черном ходе. Я думала — он его спрятал, чтобы я не вошла в мастерскую Вейров без его разрешения. Оказалось, он его нашел.

— Где он лежал? — спросила я.

— У водостока, под вторым камнем от угла. Я не трогал

его до вчерашнего вечера. Когда менял замок, снял и положил обратно. Подумал, ты захочешь его забрать сама.

Я прикусила губу. Если он не врал, замок пролежал у водостока месяца два, с тех пор как Кастор подбросил туда бумагу и форму. Тогда я не подумала искать там. Тогда я еще не знала, что мамин ключ от черного хода мастерской Вейров — запасной, тот, что она носила на поясе, — спрятан в тайнике в камине приемного зала.

— Положи на ступень, — сказала я. — У калитки. И уйди.
— Элина.

— Положи и уйди. Я сама возьму, когда стемнеет.

Шаги вниз по лестнице, медленные. Потом тишина. Я стояла у двери и ждала, пока скрипнет калитка. Скрипнула. Потом опять тишина. Я выждала две минуты, потом откинула засов на один оборот, высунула руку и нащупала на ступени холодный металл. Замок был тяжелый, в связке с маленьким ключом. Я зажала его в кулаке, задвинула засов обратно и поднялась наверх.

Тобиас проснулся и смотрел на меня круглыми глазами.

— Тетя Элина, что это?

— Замок, — сказала я. — Мамин. Ложись, завтра тебе к врачу.

— Я слышал голос на лестнице.

— Это был человек, который принес замок. Он ушел.

— Он плохой?

Я посмотрела на него. Пятнадцать лет, худые плечи, ожог

под повязкой. Ему не нужно знать, что человек на лестнице — мой бывший муж, у которого я забрала брачный кубок и который только что принес мне ключ от мастерской, потому что я попросила его найти. Ему нужно знать, что замок у меня, и что завтра мы идем к лекарю, и что ему дадут чистую рубашку.

— Он не плохой и не хороший, — сказала я. — Он просто принес то, что я просила. Спи.

Он лег обратно, подложив тряпицу, и через минуту засопел. Я подошла к печи, подбросила еще одно полено, потом достала из-под замкового камня письмо Иссары и положила рядом с замком. Два листочка, тонкий почерк, просьба об ученичестве. Я подумала, что она пришла ко мне в чужом платье, без кольца, с белыми руками без мозолей. Она сказала: я хочу выдувать сама. Я не знала, вправду ли она хочет, или это новый ход Кастора. Я знала только, что ученица в мастерской — это руки, которые надо учить три года, прежде чем они станут ровными. И это лишний рот, лишняя тряпица, лишняя трубка, которой у меня нет. У меня было десять крон на еду, замок в кулаке и три пузыря в саквояже.

Я села на табурет у печи и принялась чистить резец. Мелкая работа, знакомая. Железо под пальцами холодило, и я привычно вела лезвие по камню, снимая заусенцы. Мысли шли ровно. Замок я завтра отнесу Соль как вещественное доказательство того, что Кастор знал про мамин ключ и не заявил о находке. Письмо Иссары я завтра прочту еще раз,

и если в нем нет второго дна, приму ее временно. Если есть — верну с отказом. Тобиаса — к лекарю. Угля у Корвены — на два кубка. Больше пока ничего.

Снизу опять стукнула калитка. Я подняла голову. Не шаги — голос. Тихий, женский, осторожный:

— Элина Вейр, вы дома?

Я узнала голос. Марта. Я подошла к окну, отодвинула занавеску. Марта стояла у калитки в темном платке, с корзиной, прикрытой мокрой рогожей. Она посмотрела вверх, и я увидела, как у нее дрогнули губы. Она боялась, что я не открою. Я ей не открыла. Я кивнула и показала на черный ход.

Через минуту она поднялась наверх. Корзина была тяжелая, пахла хлебом и сушеной мятой. Марта поставила ее на стол, стянула рогожу. Внутри — буханка ржаного хлеба, два яблока, завернутые в чистую тряпицу, и маленький глиняный горшочек с медом, запечатанный воском.

— От Корвены, — сказала Марта. — Она сказала, у тебя руки синие и ты забудешь поесть.

Я посмотрела на хлеб. У меня было десять крон, но я не купила хлеба. Я купила уголь, чтобы печь дышала, и трубку, чтобы выдувать. Еда осталась на потом. Потом не наступило.

— Спасибо, — сказала я. — Передай ей, что я в долгу.

Марта кивнула. Она стояла у стола, теребя край платка, и я видела, что она пришла не только с хлебом. Я ждала. Молчание длилось долго, и я не стала его заполнять.

— Элина, — сказала она наконец. — Кастор знает, что я

помогала тебе с формой.

Я перестала чистить резец.

— Как узнал?

— Тимо проболтался. Мальчишка с верфи. Он получил талер от Рейнара и расписку написал, но потом пошел к Кастору за вторым талером и сболтнул, что Марта стояла у камина, когда ты вытаскивала форму из тайника.

Я положила резец на тряпицу. Тихо стало в комнате, только печь дышала и Тобиас сопел на лавке.

— Что Кастор сделал?

— Пока ничего. Он ждет совета. Он думает, что на совете объявит меня соучастницей кражи формы из мастерской Вейров. Он думает, что меня прогонят без выходного и без жалованья за последний месяц. А меня не за что прогонять, Элина. Форма твоя по реестру. Я была при осмотре, и Соль это записала. Но Кастор не слушает записи. Кастор слушает свою память.

Она говорила ровно, сухим голосом, каким говорят люди, которые уже решили, что с ними будет. Я знала этот голос. Так мать говорила про долги рода: спокойно, без жалобы, как будто долг — это погода, которую не выбирают.

— Ты могла не помогать, — сказала я.

— Могла, — сказала Марта. — Но тогда форма осталась бы у Кастора. И ты бы не вошла в мастерскую. И он бы получил твою мастерскую по решению совета, а не по закону.

Она замолчала. Я тоже молчала. Потом я встала, подошла

к столу, отломил кусок хлеба и протянула ей. Она взяла, но есть не стала, подержала в руке.

— Я не пришла жаловаться, — сказала она. — Я пришла сказать, что на совете Кастор назовет мое имя. И я хочу, чтобы ты знала это до совета, а не на совете.

— Я знаю, — сказала я. — Спасибо.

Она посмотрела на меня. В глазах у нее стояла та же ровная злость, которую я видела у матери, когда та считала долги рода и каждый раз начинала сначала.

— Элина, — сказала она. — Не отдавай ему мастерскую. Ни за что. У него и так слишком много чужого.

Она положила хлеб обратно в корзину, завязала платок и ушла. Я слышала, как стукнула калитка, как затихли шаги на улице. Потом стало тихо. Я подошла к печи, подбросила последнее полено и села на табурет. Замок лежал на столе рядом с письмом Иссары. Тяжелый, медный, с маминой зазубриной на ободке. Я взяла его, повертела в пальцах и положила в карман передника, к камню с буквой М.

Утром я отнесу замок Соль. Утром я отвезу Тобиаса к лекарю. Утром я выдую два кубка на печи Корвены, потому что обещала. Утром я напишу ответ Иссаре. Утром я скажу Марте, что на совете она будет говорить правду, и пусть Кастор называет ее имя сколько хочет. Утром я войду в зал совета с саквояжем и тремя пузырями, и я буду говорить только по существу.

Я задула лампу и осталась в темноте у остывающей печи.

За стеной Тобиас дышал ровно. Где-то далеко, за мостом, в доме без браслета и без печати, человек, которого я вычеркнула из реестра своей жизни, лежал без сна и думал, что завтра ему нечего мне предложить, кроме правды. Это было впервые, когда его правда была мне нужна. Не как главе рода. Не как мужу. Как свидетелю.

Я закрыла глаза. Руки не дрожали. Завтра будет совет.

Я молчала. Он постоял еще мгновение, потом развернулся и ушел. Шаги его затихли на лестнице, и я услышала, как хлопнула входная дверь лавки.

Я подошла к столу, взяла письмо Иссары и сломала печать. Внутри было два листка: первый с просьбой об ученичестве, второй — короткий, без подписи, всего одна строка: «Я не знала о подделке. Я хочу выдуть сама».

Я сложила письмо и положила под замковый камень у печи. Потом вернулась к лавке, взяла второй кубок и начала выдуть. Стекло шло ровно, жар стоял хороший, и я подумала, что у меня есть два кубка, письмо от бывшей соперницы и мальчишка, которого завтра надо взять к лекарю. Это была не победа, но это была работа, и я знала, что справлюсь.

Глава 2. Ключ от кухни

Меня не пускали в мою же кухню. Я стояла перед дверью черного хода с саквояжем в руках и чувствовала, как холод поднимается от каменного пола к лодыжкам. Замок был новый, блестящий, с отпечатком родовой печати Эш на навершии. Вчера его не было. Я хорошо помнила вчерашний ключ — медный, тугой, с заусенцем на бородке, который я точила сама, когда потемнел.

— Ключ у мужа, — повторил стражник, и в его голосе проскользнула та особая почтительность, с которой слуги объясняют хозяйке, что она больше не хозяйка. — Господин Рейнар распорядился.

Я положила ладонь на дверь. Створка была теплой — внутри уже топили. Значит, кухню передали. Я убрала руку, чтобы стражник не увидел, как дрогнули пальцы.

Саквояж оттягивал плечо. В нем лежали мои рабочие трубки, флакон с оловом, запасная лента и маленькая форма для пробного кубка — все, что я вынесла из мастерской рода в первый день после суда. Это было мое по праву: инструмент мастера не принадлежит мужу, даже если муж — глава огненного дома. Но форму я унесла тайно, потому что форма была отлита под родовую печь и без нее первая партия кубков для совета не вышла бы ровной.

Мне нужна была эта форма сегодня до заката.

Я обошла дом с тыла, где кухонный двор выходил к конюшне и к узкому проходу между двумя стенами. Там, в нише под водостоком, лежал запасной ключ. Его прятала Марта Сай, когда ходила на рынок до рассвета и не хотела стучать в дом. Марта служила еще моей матери. Марта первая сказала мне, что Рейнар подписал новую помолвку.

Ниша была пуста. Ключа не было.

Значит, его убрали намеренно.

Я вернулась к черному ходу и постучала. Открыла кухарка, которую я не знала, — молодая, в чистом переднике, с той смирной готовностью, какая бывает у людей, нанятых в обход хозяйки.

— Госпожа Вейр, — она замялась на моем имени, потому что теперь я не госпожа. — Кухня занята.

— Я не обедать пришла. Я за формой.

Кухарка посмотрела на саквояж, на мои руки, на дверь за моей спиной, где ждал стражник.

— Господин Рейнар сказал, форма теперь собственность дома. Возврату не подлежит.

Я медленно поставила саквояж на пол. Спина заныла — я не спала вторую ночь, стекло не слушалось, и я перебирала заготовки до рассвета. Сейчас было позднее утро, и мне нужно было решить, насколько я готова торговаться за собственный инструмент.

— Позови Рейнара, — сказала я.

Кухарка качнула головой.

— Он не велел выходить к вам. Он сказал, что вы можете оставить трубки и уйти.

Я засмеялась. Это получилось коротко и противно, как треск лопнувшего кубка. Кухарка отступила.

Рейнар не хотел разговаривать. Рейнар хотел, чтобы я сама положила инструмент и ушла, как ушла из зала в день суда. Он ждал, что я снова сделаю красивый жест, который можно будет записать в память рода: бывшая жена Вейр вернула имущество и смирилась.

Но форма была отлита под мою руку. Я вытачивала ее сама три зимы, пока училась у матери. Без нее кубки для совета получались неровными, и любой мастер на реестре это увидел бы.

Я оставила саквояж у порога и пошла по двору к крыльцу. Стражник пошел следом, но я обернулась и посмотрела ему в глаза так, как смотрела на учеников, когда они брались за трубку раньше срока. Он остановился.

На крыльце стоял Рейнар. Он не вышел мне навстречу, только ждал, пока я поднимусь. На запястье его все еще поблескивал обручальный браслет — тонкая полоса темного металла с моим вензелем.

— Элина, — он не назвал меня по титулу, и это было хуже любого титула.

— Я за формой, — сказала я. — Она моя. Ты знаешь, что она моя.

— Она отлита под родовую печь, — ответил он ровно. —

Значит, она родовая.

— Она отлита под мою руку. Печь я выбирала сама, когда ты еще не был главой.

Он сжал челюсть. Я видела, как двинулась мышца у виска, и от этого у меня перехватило дыхание, потому что раньше я любила эту линию, а теперь считала ее как трещину.

— Отдай форму, — сказала я. — Я заберу свои трубки и уйду. У совета заказ, мне нужно работать.

— Трубки можешь взять, — сказал он. — Форму нет.

Я сделала шаг к нему, потому что злость застила мне глаза быстрее, чем разум. Он был на голову выше, и я ненавидела это прямо сейчас, потому что для спора мне приходилось задираТЬ подбородок.

— Тогда я пойду к старейшине, — сказала я. — И к инспектору Соль. И к Корвене, у которой стоит моя печь. Я расскажу, что глава рода Эш не выпускает инструмент из дома, пока его бывшая жена не отдаст последнее.

Рейнар не отвел взгляда.

— Иди, — сказал он. — Только учти: форма в кузне, а кузня под родовой печатью. Без моего согласия туда никто не войдет.

Я поняла. Он не боялся инспектора. Он боялся, что я останусь и буду торговаться. Он хотел, чтобы я ушла сама, и тогда форма останется у него как вещь, которую забрали по закону о возврате имущества. Это был способ сделать меня должницей.

Я повернулась и пошла обратно к саквояжу. Подняла его с пола. Трубки звякнули внутри, и я почувствовала, как они ложатся в руку через кожу, — тяжелые, родные, единственное, что мне сейчас принадлежало по праву.

— Элина, — позвал он с крыльца.

Я не обернулась. У меня не было формы, и совет ждал партию к зиме, и старейшина Лотар, конечно, узнает об этом к вечеру. Но у меня были трубки и руки, а это значило, что я могла выдуть кубок без формы. Медленнее. Хуже. Дольше. Но могла.

Я шла через двор и считала шаги до калитки. На двадцать третьем шаге он все-таки окликнул меня громче, но я уже толкнула створку и вышла на улицу, где пахло холодным дымом и подмороженной глиной.

Саквояж оттягивал плечо. Я несла в нем все, что у меня осталось.

Я перехватила лямку саквояжа поудобнее и пошла вдоль стены, не оглядываясь. Подмороженная глина хрустела под ногами, и я считала эти хрусты, чтобы не думать о браслете на его запястье. Тридцать два хруста до угла, где начиналась узкая улица к реке. Там стояла лавка Корвены, и в верхней комнате над травяным складом меня ждала печь, которую я еще не разожгла ни разу.

На углу меня догнал мальчишка-посыльный, мокрый и злой, в чужой куртке с чужого плеча. Он сунул мне в руку сложенный вчетверо лист, подмигнул, как заговорщик, и

убежал, не дожидаясь ответа. Я развернула бумагу, не снимая перчатки. Записка была короткая, без подписи, но почерк я узнала. Так писала Марта Сай, когда хотела, чтобы поняли только свои: форма лежит не в кузне. Она стоит в сундуке у задней двери, под старым фартуком. Рейнар солгал.

Я остановилась. У меня задрожали пальцы, потому что Марта служила моей матери, Марта первая сказала мне про помолвку, и я не ожидала от нее ни жеста, ни риска. Если старейшина Кастор узнает, что экономка помогла бывшей жене вынести инструмент из-под родовой печати, Марту прогонят без выходного. Я сунула записку в карман и пошла обратно, но не к черному ходу, а к конюшне, где пахло сеном и навозом и где никто не смотрел на чужой саквояж.

Задняя дверь была прикрыта неплотно. В щели торчал край старого фартука, выцветшего до цвета дождя. Я толкнула створку плечом и вошла в темный чулан, заставленный пустыми кувшинами и связками сухих трав. Сундук стоял в углу, обитый потертой кожей, с замком, который я открыла чуть подпиленным ключом из собственного саквояжа. Этот ключ я носила с тех пор, как вышла из рода Эш, потому что замки в моем прошлом жизни всегда открывались чужими руками.

Внутри лежала форма. Моя, выточенная за три зимы, с моей меткой на ободе. Я взяла ее обеими руками и почувствовала, как металл холодит ладони через кожу перчаток. Это была та тяжесть, которая не предавала. Я завернула фор-

му в фартук, положила в саквояж поверх трубок и застегнула ремень.

В этот момент в чула стало тихо, а потом стало слышно, как кто-то дышит за моей спиной. Я не обернулась. Я знала, кто это, потому что у Рейнара выдох всегда был короче, чем у других, и от него пахло тем самым одеколоном, который я ненавидела и помнила.

— Я могу вызвать стражу, — сказала я, не поворачиваясь.

— Не вызовешь, — ответил он. — Ты за формой, а не за скандалом.

Я медленно повернулась. Он стоял в дверном проеме, и свет из конюшни падал ему на плечи, и от этого он казался шире, чем был. Браслет на запястье я теперь видела отчетливо, и это было хуже, чем когда я только заметила его на крыльце. Браслет означал, что по закону огненных родов он все еще считался моим мужем, пока кубок не разбит публично. А я кубок еще не разбила.

— Марта тебе не сказала, — продолжил он, и в голосе появилась та тягучая нотка, которую я знала. Так он говорил, когда хотел сделать мне больно и одновременно попросить прощения. — Я сам отнес форму в сундук. Я хотел, чтобы пришла и забрала. Я не мог отдать ее при Касторе.

Я молчала. У меня дрожала колено, и я прижала к нему саквояж, чтобы он этого не увидел.

— Это ничего не меняет, — сказала я.

— Меняет, — сказал он. — Ты ушла со своим инструмен-

том. У тебя есть форма. У тебя есть руки. Этого мало для заказа совета, но достаточно, чтобы начать.

Я посмотрела ему в глаза. Он не мигал, и от этого мне стало трудно дышать, потому что я помнила, как он мигал раньше, когда лгал, и как он не мигал, когда говорил правду. Сейчас он не мигал.

— Я забираю форму и ухожу, — повторила я. — Не прожай меня. Не стой у двери. Не дыши так, будто ты меня любишь. У тебя на руке браслет, а в кармане подпись под чужой помолвкой. Этого достаточно для одного разговора, и разговор закончен.

Я протиснулась мимо него в дверь. Он не шевельнулся. Только опустил руку и коснулся моего плеча, и я отдернулась так резко, что ударилась спиной о косяк. Саквояж больно стукнул по бедру. Я выпрямилась и пошла к калитке, не оглядываясь, и считала шаги, и на сорок втором шаге у меня защипало глаза, и я стиснула зубы так, что свело скулы.

У лавки Корвены я остановилась, прислонила саквояж к стене и достала записку Марты. Перечитала. Скомкала. Сунула обратно в карман. У Корвены печь была холодная, и мне предстояло разжечь ее одной, без подмастерья, без имени в реестре, без клейма, но с формой в руках и с чужим одеколоном в волосах, который я не могла вычесать до вечера.

Корвена открыла на мой стук не сразу. Сначала за дверь звякнула щеколда, потом скрипнула половица, и только потом она высунула голову, замотанную в шаль, из которой

торчал только нос и один внимательный глаз. От нее пахло мятой, горелой смолой и сном, который прервали на полусне.

— Саквояж, — сказала я, подняв лямку. — Я за инструментом. И за печью.

Она оглядела меня, саквояж, мои красные от холода пальцы, и кивнула, отступая вглубь. Лестница на второй этаж была узкая, с выщербленными ступенями, и я несла саквояж перед собой, чтобы не задеть стены. На четвертой ступеньке меня качнуло, и я схватилась за перила, чтобы не упасть. Перила были липкие от чьих-то ладоней, и я подумала, что к утру вымою их щелоком, чтобы был хоть один порядок, который я контролирую.

Верхняя комната встретила меня сыростью и печью, которую я видела впервые. Она была старая, рабочая, с чугунной дверцей и щербатым подом. Корвена молча поставила на табурет кружку с отваром и ушла, и я услышала, как внизу закрылась дверь. Я осталась одна.

Первым делом я разожгла печь. У меня не было родового жара, и я не умела разводить огонь одним касанием, как Рейнар, но я умела работать руками. Я наломала щепы, свернула жгутом бересту, положила два полена и долго дула, пока угли не занялись. Когда пламя стало ровным, я выложила форму из фартука, проверила обод и отыскала на полке у стены плохонькую трубку, оставленную, видно, кем-то из учеников. Трубка была длинная, с трещиной в рукояти, и я

замотала рукоять мокрой тряпкой, чтобы не обжечься. Руки привычно легли на металл, и это было единственное за день, что меня не предало.

Я работала до полуночи. Сначала выдула маленький кубок, чтобы проверить жар. Стекло пошло пузырями, я сбила температуру и плеснула воды на под. Пар обжег мне брови, но кубок вышел ровный, тонкий, со слабым звоном, когда я стукнула пальцем по краю. Хороший кубок. Правдивый. Такой бы не треснул под клятвой, даже если клятва была лживая.

Я обернула его тряпкой и положила в сторону. Потом выдула второй, больше, для совета. На втором кубке я сделала ошибку: слишком резко качнула трубку, и стекло пошло волной. Я чертыхнулась, расплескала каплю на пол, обожгла подушечку большого пальца и замерла, глядя на волну. Волна лежала в стекле косой рябью, и я вдруг поняла, что это не брак. Это было похоже на трещину, только без разлома. Рябь. Шрам. Как на ладони, если схватить нож не той стороной.

Когда я подняла глаза, в окне было уже светло. Я не помню, как уснула. Я помню, что лежала щекой на столе, рядом с остывшим кубком, и в пальцах у меня был зажат клочок бересты, и волосы пахли его одеколоном, который я так и не вычесала.

Корвена пришла с утра с миской горячей каши и села напротив, сложив руки на коленях. Она посмотрела на два кубка, на рябь на большом, на мою обожженную руку, и ничего

не сказала. Только кашу поставила поближе.

— Мне нужно клеймо, — сказала я, и голос у меня был сиплый. — Без клейма совет заказ не примет, а без заказа я не заплачу тебе за комнату.

— Клеймо дают через месяц после испытательного кубка, — ответила она. — Я проверяла.

— У меня нет месяца. У меня в кармане записка от Марты и форма, которую я не имела права вынести. Если Кастор узнает, что Марта помогла, ей конец. Я за это заплатила печью, к которой меня больше не подпустят, и репутацией, которую мне теперь не отмыть. Мне нужно клеймо. Сейчас.

Корвена посмотрела на меня, и в ее глазах я увидела страх. Она была травницей, не стеклодувом, и она не хотела ввязываться. Но потом она вздохнула, встала и достала с полки маленький кожаный футляр, в котором лежала печать гильдии. Не клеймо мастера. Печать свидетеля. Ее собственная.

— Я подпишу, что видела, как ты выдула кубок, — сказала она. — Это не клеймо, но это начало. Идем вниз. Я варю отвар, ты моешь руки, и мы идем в гильдию. Не одна. Вдвоем.

Я замотала обожженный палец тряпкой, взяла оба кубка и пошла за ней. На лестнице я снова поскользнулась, и Корвена придержала меня за локоть. Ее пальцы были сухие и теплые, и я не отдернулась.

Гильдия помещалась в каменном доме за мостом, где пах-

ло сырой шерстью и старыми чернилами. Корвена шла впереди, и я слышала, как стучат по камню ее подошвы, и старалась ступать в ритм, чтобы не сбиться. В правой руке я несла маленький кубок, в левой большой, обернутый в тряпку, и рукоять трубки оттягивала карман фартука.

У ворот стоял стражник, незнакомый, с чужой выправкой. Он посмотрел на меня, потом на Корвену, и я поняла, что слух уже дошел: разведенная стеклодувша с печью без клея.

— По делу, — сказала я, не дожидаясь вопроса. — Испытательный кубок и свидетель.

Стражник посторонился, но глаза у него были те самые, которыми смотрят на женщину, забывшую, куда положила ключи от собственного дома. Я не стала отвечать на этот взгляд. Я вошла.

Внутри пахло деревом и сургучом. За столом сидел пожилой писец в зеленом фартуке гильдии, с цепью на шее, и перебирал какие-то листы. Он поднял голову, и я увидела, как у него дрогнули пальцы, когда он узнал меня. Не от страха. От расчета. Таким людям не нужна правда, им нужно решение, кто платит за разбитое стекло.

— Вейр, — сказал он. — Быстро ты.

— Я принесла кубки, — ответила я. — Два. Один проверочный, один под клятву. Корвена готова подтвердить как свидетель.

Он посмотрел на Корвену. Она молча достала из кармана

печать и положила на стол. Писарь перевел взгляд на меня, и я заметила, как он на секунду задержал дыхание, и поняла, что он считает деньги. Не мои. Те, что ему пообещали за то, чтобы меня не вписали.

— Испытательный кубок принимают через месяц после подачи прошения, — сказал он. — Устав. Я не могу принять его сегодня.

— Я подаю прошение сейчас, — сказала я. — Принимайте кубок. Корвена подпишет.

Он поджал губы. Это была его работа, и он это знал. Устав разрешал подавать прошение в любой день, а месяц был только сроком ожидания голосования. Кубок можно было принять в день подачи. Я это знала, потому что три года назад сама принимала такие кубки у чужих учениц и помнила, как пахнет сургуч, когда пишут отказ.

Писарь достал лист, обмакнул перо и посмотрел на меня поверх него.

— Род Эш прислал письмо, — сказал он тихо. — О том, что развод оформлен по закону огненных родов. Клеймо жены с тебя снято, печать рода сожжена. Но в реестре мастеров ты была записана как мастер рода. Если клеймо рода снято, запись рода в реестре теряет силу.

Я почувствовала, как у меня похолодели кончики пальцев. Это была новая бумага. Лотар успел. Он не стал ждать, пока я приду сама, и подал прошение о снятии меня с учета раньше, чем я подала прошение о приеме. Теперь я была никто. Ни

жена, ни мастер. Пустое место.

— Устав, — повторил писарь. — Я не могу принять кубок от человека, которого нет в реестре. И я не могу внести тебя в реестр, пока род Эш не подтвердит, что ты свободна. Это их печать, не моя.

Я стояла и держала два кубка, и руки у меня не дрожали, потому что я запретила себе дрожать. Рядом Корвена держала свою печать, и я видела, как побелели костяшки ее пальцев. Она не знала, что делать, и я не знала.

Тогда я поставила большой кубок на стол. Прямо на лист, который только что исписал писарь. Чернила расплылись. Писарь дернулся, но я уже говорила.

— Кубок выдут в мастерской над травяной лавкой Корвены, — сказала я. — Печь разогрета вчера. Свидетель Корвена готова подтвердить. Прощение о приеме в реестр подаю сейчас, при вас. Если вы не примете кубок сегодня, я выдую второй и третий, и каждый положу на стол совета, и каждый будет кричать о том, кто закрыл мне дверь.

Тишина была густая, как смола. Писарь смотрел на кубок, и я видела, как он считает. Если он откажет, пойдет слух. Если примет, пойдет другой слух. Любой слух стоил денег, и я впервые поняла, что у меня нет денег, и поэтому у меня есть только правда, которую нельзя купить.

— Я приму кубок, — сказал он наконец. — И подам прощение совету. Но голосование состоится через месяц. Устав.

Я кивнула. Месяц. Это было больше, чем у меня было, но

это было начало. Корвена поставила печать на лист, и писарь приложил свою, и сургуч зашипел, и запахло горелым жиром, и я подумала, что это самый честный запах, который я слышала за два дня.

Мост под ногами был скользкий, и я считала шаги, чтобы не сорваться. Один, два, семь, двенадцать. Корвена шла рядом и молчала, и я была ей благодарна за это молчание больше, чем за печать. На середине моста я остановилась и посмотрела на воду. Она была черная, жирная, пахла рыбой и холодом, и я подумала, что эта вода видела больше чужих свадеб, чем моих, и ни одну не запомнила.

— Я должна вернуться, — сказала я.

Корвена не спросила куда. Она знала. На прием, где меня уже считали бывшей, где мое имя склоняли как кличку, и где на столе стоял мой брачный кубок, который я не разбила. Я не разбила его, потому что в ту секунду, когда стекло лопнуло бы, я перестала бы быть Вейр и стала бы никем. А мне нужно было уйти с инструментом, с печью, с правом дышать. Поэтому я ушла тихо, с саквояжем, в котором лежали мои трубки, мой резец и моя тетрадь с заказами. Все остальное принадлежало роду.

— Элина, — сказала Корвена. — Ты уверена?

Я кивнула. Мне нужно было забрать кубок. Не потому что я его любила. Потому что без него развод не был законным. Лотар знал это. Иссара знала. И только я, дура, не знала, пока не прочитала устав в гильдейской книге, которую Марта

когда-то подарила мне на именины.

Я считала. Если я вернусь, меня впустят как гостью, потому что закон гостеприимства еще действовал. Если я войду как жена, меня остановят. Если я войду как разведенная, меня выведут под руки. Но если я войду за кубком, мне не смогут отказать. Закон огненных родов разрешал жене забрать брачный кубок в течение луны после объявления о разводе. Я читала это трижды.

Корвена пошла со мной. Она не спрашивала, она просто встала рядом, и мы пошли обратно через мост, мимо рыбных рядов, мимо храма, где пахло ладаном и старым деревом, мимо лавки Лины Корд, которая как раз вытряхивала коврик и посмотрела на меня так, будто я вернулась с того света. Я не остановилась. У меня не было времени на сплетни.

У ворот стоял другой стражник. Новый. Он не знал меня в лицо, и это было плохо, потому что мне нужно было, чтобы он знал. Я назвала имя, он сверился со списком, и я увидела, как его палец дрогнул напротив моей фамилии. Рядом стояла пометка красными чернилами. Впускать, не задерживать. Лотар не хотел скандала в зале. Он хотел, чтобы я ушла тихо.

Меня впустили. Корвену тоже, потому что она была моей свидетельницей. Мы прошли по двору, и я старалась не смотреть по сторонам, но все равно видела: знакомые лица, чужие взгляды, слух, который уже бежал впереди меня.

В зале было полутемно. Свечи догорали, и воздух пах вос-

ком и вином. На столе, за которым меня еще утром называли женой главы рода, стоял мой кубок. Он был высокий, с тонкой ножкой, с моим первым вензелем, который я вырезала сама. Он стоял там, как будто его забыли, и никто не догадался его убрать.

Иссара сидела в кресле невесты. Она увидела меня, и я увидела, как у нее дрогнули ресницы. Не от страха. От расчета. Она считала, во сколько ей обойдется мой визит.

Лотар стоял у камина. Он смотрел на меня, и я видела, как он подбирает слова. Он был из тех мужчин, которые всегда знают, что сказать, и поэтому я подошла первая.

— Я пришла за кубком, — сказала я. — Закон огненных родов. Статья четырнадцать. Жена имеет право забрать брачный кубок в течение луны после объявления о разводе. Я забираю.

Лотар сделал шаг вперед.

— Элина, — начал он, и голос у него был тот самый, которым он разговаривал со мной, когда я была удобной. — Не устраивай сцену. Мы можем договориться.

Я посмотрела на него и впервые за два дня почувствовала, что не боюсь.

— Я не устраиваю сцену, — сказала я. — Я забираю свое.

Иссара встала. Она подошла к столу и положила руку на кубок. Нежно, как будто он принадлежал ей.

— Это имущество рода, — сказала она тихо. — По закону кубок остается у главы.

— Нет, — ответила я. — Кубок выдут мной. Моими руками. На моей печи. На моем огне. Если он остается у рода, я требую компенсацию. Двести крон. Серебром. Сейчас.

Тишина была такая, что я слышала, как потрескивает свеча. Лотар смотрел на меня, и я видела, как он считает. Двести крон это много. Но скандал дороже. Иссара смотрела на кубок, и я видела, как она считает тоже. Она хотела его оставить, но не хотела платить.

Корвена кашлянула.

— Я свидетель, — сказала она. — Я подтверждаю, что кубок выдут Элиной Вейр. Закон на ее стороне.

Лотар достал кошелек. Он отсчитал двести крон медными монетами, потому что серебра у него не было, и положил их на стол рядом с кубком.

— Забирай, — сказал он.

Я взяла кубок левой рукой. Монеты взяла правой. И в эту секунду я почувствовала, как у меня под ногами снова есть пол. Не горячий, не родовой. Мой. Холодный, чужой, но мой.

Когда мы вышли во двор, Корвена остановилась.

— Элина, — сказала она. — Ты понимаешь, что теперь у тебя есть печь и нет имени. Клеймо снято. Запись в реестре рода закрыта. Ты никто.

Я посмотрела на кубок в своей руке. На монетах, которые оттягивали карман. На свои красные, обожженные пальцы.

— У меня есть кубок, — сказала я. — И двести крон. И руки. Этого хватит, чтобы начать.

Когда мы вышли на мост, я остановилась и посмотрела на свои руки. Они были красные, обожженные, с тряпкой на большом пальце. Они не дрожали. Я несла в них два кубка, и один из них был ровный, а второй в ряби, и оба были мои, и оба были правда, которую я выдула сама.

— Месяц, — сказала Корвена.

— Месяц, — повторила я. — Мне хватит.

Глава 3. Трубки на столе

Трубки лежали на столе, выстроенные по длине, как строки в чужой книге, которую я больше не обязана читать. Я пересчитывала их в третий раз, потому что считать - это единственное, что у меня сейчас получается без ошибок. Семь рабочих, три запасные, одна ученическая, которую я так и не отдала. Итого одиннадцать. На столе рядом - флакон с оловом, моток ленты, резец, тетрадь с заказами, в которой половина страниц вырвана, а на оставшихся - не мои долги. Саквояж я собрала вчера за двенадцать минут, когда чужие духи еще висели в спальне.

Медь лежала в нижнем ящике комода, отдельно от саквояжа, потому что так удобнее платить и труднее потерять. Двести крон, отданные стариком за кубок, который он считал своей собственностью. Статья четырнадцать закона огненных родов разрешает жене забрать брачный сосуд в течение луны - если она не хочет отпускать мужа. Лотар прочел это в моих глазах и не стал спорить при свидетелях. Медью отдал, не серебром. Запомню.

Я провела пальцем по самой длинной трубке, той, которой работала последние четыре года на печи рода. Дерево нагрелось от моей руки и остыло. Завтра эта же рука будет держать ту же трубку, но на чужой печи, и это будет означать, что я больше не Вейр из Эш, а мастер Вейр без реестра.

В дверь постучали. Негромко, костяшкой, не кулаком. Так стучат те, кто знает, что в доме травницы могут оторвать голову.

- Открыто, - сказала я, не убирая рук с трубок.

Корвена вошла с плоской каши, от которой пахло теплым маслом и солью. Поставила рядом с саквояжем, посмотрела на выстроенный инструмент, на флакон, на тетрадь, на меня, и ничего не сказала.

- Я считаю, - пояснила я. - Не серчай.

- Я не серчаю. Каша стынет.

Я взяла ложку. Каша была густой, с дымком, и я ела медленно, потому что желудок за ночь забыл, что такое еда. Корвена села напротив, подперла подбородок рукой и смотрела, как я ем. Это был знак, что у нее есть новость.

- Говори.

- Рейнар сегодня утром снял с замка черного хода старую петлю, поставил новую. С печатью рода. Ключ один, у него.

Ложка замерла на полпути. Я положила ее обратно в плошку. Правая рука сама стиснула край стола, и я почувствовала, как дерево скрипнуло под пальцами. Медь за трубками, замок на мою дверь. Сводят баланс.

- Зачем ему ключ от черного хода, если я теперь не живу в его доме?

- Потому что черный ход - это не твоя дверь, - сказала Корвена. - Это его дверь к тебе.

Я отодвинула плошку. Каша стала горькой, хотя минуту

назад была нормальной.

- Он приходил?

- Сторож сказал - стоял на крыльце до рассвета, пока кухарка не пригрозила вылить на него помой. Тогда ушел. Но замок повесил.

Я закрыла глаза. Под веками стояла та же картина, что и в чулане: его рука на моем плече, тяжелая, как родовая печать, и я, отшатнувшаяся прежде, чем успела понять, зачем. Он сказал - сам перенес форму, чтобы ты забрала без Кастора. Я не поблагодарила. Я не могла благодарить мужчину, который утром того же дня сидел в кресле напротив новой невесты и молчал, пока его дядя торговался за мой кубок.

- Пусть повесит, - сказала я, открывая глаза. - У меня есть эта комната, есть печь, есть гильдия. А ключ от черного хода - это его право, не мое.

Корвена кивнула, но не улыбнулась. Она знала, что я вру. Ключ от черного хода - это его право остаться рядом, не спрашивая разрешения. Этого я стерпеть не могла, и этого я не могла отменить.

- Прощение принято. Голосование через месяц, - сказала она.

- Знаю.

- Лотар подал бумагу о снятии тебя с реестра раньше. Я видела входящий номер у писаря.

- Знаю.

- Элина.

- Что?

Она помолчала, глядя на трубки.

- Рейнар не снял браслет.

Я встала. Стул скрипнул по полу, и этот звук был громче, чем нужно. Прошла к окну, отодвинула занавеску. Утренний свет упал на мой саквояж, на трубки, на мои руки, которые уже не дрожали, а просто стояли вдоль тела.

- Пусть носит, - сказала я. - Это его память, не моя.

Корвена вздохнула так, что я услышала. Потом собрала плоску, поставила ее на край стола, рядом с флаконом олова.

- Тобиас придет к вечеру, - сказала она. - Будет учиться держать трубку.

- Хорошо.

Она ушла. Я осталась одна с одиннадцатью трубками и стаканом воды, в котором плавала одна медная крошка. Достала ее, положила на стол рядом с саквояжем. Первая монета моего нового реестра. Потом села, положила руки на стол и почувствовала, как дерево под пальцами теплеет.

Завтра я выдую первый кубок под своим клеймом. Сегодня - просто пересчитаю трубки в четвертый раз.

Трубки лежали на столе, и я в четвертый раз пересчитывала их, потому что это единственное сегодня, что не пытается укусить. Семь рабочих, три запасные, одна ученическая, которую я так и не отдала. Итого одиннадцать. На столе рядом - флакон с оловом, моток ленты, резец, тетрадь с заказами, в

которой половина страниц вырвана, а на оставшихся чужие долги. Саквояж я собрала вчера за двенадцать минут, когда чужие духи еще висели в спальне. Сегодня я разбираю его заново, потому что чужие духи до сих пор висят под кожей.

Медь лежала в нижнем ящике комода, отдельно от саквояжа. Двести крон, отданные стариком за кубок, который он считал своей собственностью. Статья четырнадцать закона огненных родов разрешает жене забрать брачный сосуд в течение луны, если она не хочет отпускать мужа. Лотар прочел это в моих глазах и не стал спорить при свидетелях. Медью отдал, не серебром. Запомню.

Я провела пальцем по самой длинной трубке, той, которой работала четыре года на печи рода. Дерево нагрелось от моей руки и остыло. Завтра эта же рука будет держать ту же трубку на чужой печи, и это будет означать, что я больше не Вейр из Эш, а мастер Вейр без реестра.

В дверь постучали. Костяшкой, не кулаком. Так стучат те, кто знает, что в доме травницы могут оторвать голову.

- Открыто.

Корвена вошла с плоской каши, от которой пахло теплым маслом и солью. Поставила рядом с саквояжем, посмотрела на выстроенный инструмент, на флакон, на тетрадь, на меня, и промолчала.

- Я считаю, - пояснила я. - Не серчай.

- Я не серчаю. Каша стынет.

Я взяла ложку. Каша была густой, с дымком, и я ела мед-

ленно, потому что желудок за ночь забыл, что такое еда. Корвена села напротив, подперла подбородок рукой и смотрела, как я ем. Это был знак, что у нее есть новость.

- Говори.

- Зачем ему ключ от черного хода, если я теперь не живу в его доме?

- Потому что черный ход - это не твоя дверь. Это его дверь к тебе.

Я отодвинула ложку. Каша стала горькой, хотя минуту назад была нормальной.

- Он приходил?

Я закрыла глаза. Под веками стояла та же картина, что в чулане: его рука на моем плече, тяжелая, как родовая печать, и я, отшатнувшаяся прежде, чем успела понять зачем. Он сказал - сам перенес форму, чтобы ты забрала без Кастора. Я не поблагодарила. Я не могла благодарить мужчину, который утром того же дня сидел в кресле напротив новой невесты и молчал, пока его дядя торговался за мой кубок.

- Пусть повесит. У меня есть эта комната, есть печь, есть гильдия. А ключ от черного хода - это его право, не мое.

Корвена кивнула, но не улыбнулась. Она знала, что я вру. Ключ от черного хода - это его право остаться рядом, не спрашивая разрешения. Этого я стерпеть не могу, и этого я не могу отменить.

- Прощение принято. Голосование через месяц.

- Знаю.

- Знаю.
- Элина.
- Что?

Она помолчала, глядя на трубки.

- Рейнар не снял браслет.

Я встала. Стул скрипнул по полу. Прошла к окну, отодвинула занавеску. Утренний свет упал на мой саквояж, на трубки, на мои руки, которые уже не дрожали, а просто стояли вдоль тела.

- Пусть носит. Это его память, не моя.

Корвена вздохнула так, что я услышала. Потом собрала плоску, поставила на край стола, рядом с флаконом олова.

- Тобиас придет к вечеру. Будет учиться держать трубку.
- Хорошо.

Она ушла. Я осталась одна с одиннадцатью трубками и стаканом воды, в котором плавала медная крошка. Достала ее, положила на стол рядом с саквояжем - первая монета моего нового реестра. Потом села, положила руки на дерево и почувствовала, как стол теплеет под пальцами.

Под лестницей загрохотало. Тяжелые шаги, мужские, не Корвенины. Я подобрала ноги, прижала колени к груди. Шаги поднялись на три ступени и остановились. В щели между досками показался угол серой бумаги, которую просунули под дверь.

Я не шевелилась, пока шаги не ушли обратно к лавке. Потом встала, подняла бумагу. Сверху стояла печать без герба,

просто оттиск пальца в красном воске. Внутри - три строки, написанные тем же почерком, что записка о сундуке. Без подписи.

"Корвена, у тебя проверка от инспектора Соль послезавтра. Патент могут не продлить, если найдут в лавке чужой инструмент, чужую печь и чужую женщину, которая не мастер. Убери саквояж."

Я перечитала дважды. Потом сложила бумагу, убрала в карман к записке Марты. Постояла посреди комнаты, слушая, как внизу Корвена разговаривает с покупателем, и в этом спокойном голосе не было ни тени страха. Она не знала. Или знала и не сказала.

Корвена отдала мне печь, ключ от комнаты, свою печать свидетеля. Теперь за это заплатит патентом, если я останусь. Саквояж нужно вынести до послезавтра. Комнату нужно либо освободить, либо сделать так, чтобы инспектор Соль не вошла. Либо я прошу Корвену спрятать меня и подставляю ее, либо я ухожу сегодня и теряю адрес, печь и свидетеля.

Внизу хлопнула дверь лавки. Корвена поднималась по лестнице, и я слышала, как она поет - тихо, без слов, просто мычит мелодию, которой не знает названия. Эта мелодия была здесь до меня и будет после меня, если я сейчас спрячу саквояж под кроватью и сделаю вид, что ничего не получила.

Я села за стол. Одиннадцать трубок смотрели на меня, как одиннадцать свидетелей, которым все равно, что я решу. Я взяла самую длинную, повертела в пальцах. Дерево было

теплым, будто его кто-то долго держал в руках. Браслет на моем запястье, тонкий медный, - не родовой, а мой, рабочий, подаренный отцом в первый год ученичества, - сдвинулся и стукнул по столу. Я этого не почувствовала. Трубку - почувствовала.

Саквояж я закрою. Потом спущусь к Корвене, скажу про письмо, помогу ей подготовить лавку к проверке искать, куда спрятать меня легально. Если такого места нет, я увезу трубки к Марте под расписку и буду работать на печах по найму, пока гильдия не проголосует. Браслет на запястье - мой, не его. Пусть Рейнар носит свой, мне все равно. Сегодня у меня есть одиннадцать трубок, одно письмо и одна подруга, которая еще не знает, что платит за мою спину.

Я застегнула саквояж и положила руку на его кожаную ручку.

Я спустилась по лестнице, держа саквояж за кожаную ручку так крепко, что пальцы занемели. В лавке пахло сушеной мятой, воском и чужим потом от покупателя, который только что вышел. Корвена стояла за прилавком, перебирала пучки зверобоя, и руки у нее были спокойные.

- Получила письмо, - сказала я и положила серую бумагу рядом с весами. - Без подписи. Про твою проверку.

Она не взяла бумагу. Посмотрела на меня, потом на саквояж у моего бедра.

- Кто принес?

- Мужские шаги. Не твои.

Корвена кивнула. Пальцы, перебиравшие зверобой, замерли на секунду, и я увидела, как побелели костяшки. Потом она отмерла и снова стала перебирать пучки.

- Саквояж я увезу к Марте сегодня, - сказала я. - Под расписку. У нее кладовка, она не откажет.

- Не откажет, - повторила Корвена. - Она тебе уже отказала. Записку без подписи принес мальчишка. Это не отказ, это страх.

Я поставила саквояж на пол. Лязгнул металл внутри, и я сама вздрогнула от этого звука. Кузнечная работа стоила дороже, чем я думала. Стоила дороже, чем весь мой новый реестр.

- Тогда к Тобиасу. У него комната над конюшней, там никто не проверяет.

- Тобиасу пятнадцать, Элина. Он не умеет молчать.

Я села на табурет у прилавка. Ноги не держали. Оказалось, я не спала вторую ночь, и тело начало считать это личным оскорблением.

- Тогда к Норе.

Корвена посмотрела на меня так, будто я назвала имя покойника.

- К сестре?

- У нее комната в доходном доме на углу Клеверной. Хозяйка не проверяет сундуки, ей важна плата за две недели вперед. У меня есть двести крон медью. Этого хватит.

- А печь?

- Печь твоя. Я буду приходить сюда работать, как прихожу сейчас. Без саквояжа. С инструментом в кармане.

Корвена наконец взяла письмо. Прочитала, подержала двумя пальцами над свечой, сожгла край. Пепел упал на весы, и она смахнула его рукавом.

- Инспектор Соль придет послезавтра утром. Она не войдет в комнату, если комната будет заперта изнутри, а ключ у меня. Но если она спросит, кто живет наверху, я скажу правду. Я не стану врать за тебя, Элина. Не потому что не хочу. Потому что меня за это выгонят.

- Я не прошу тебя врать. Я прошу тебя молчать.

- Молчать я умею. Но Соль спросит про мастера, который подал прошение. Я не стану делать вид, что тебя нет.

Я встала, подняла саквояж. Кожаная ручка отпечаталась на ладони красной полосой, и я смотрела на эту полосу, пока говорила.

- Тогда я уйду сегодня. До проверки. Оставлю тебе ключ от комнаты и расписку за две недели. Печь верну в целости. Если гильдия меня не примет, я вернусь и отработаю аренду медной посудой.

Корвена смотрела на меня долго. Потом подошла, сняла с полки моток шерсти, развернула, отрезала ножницами кусок. Протянула мне.

- Обмотай ручку саквояжа. Иначе сотрешь ладонь до мяса, и завтра не сможешь держать трубку.

Я взяла шерсть. Пальцы тряслись, и я злилась на них силь-

нее, чем на Лотара, сильнее, чем на Кастора, сильнее, чем на Рейнара, который утром повесил замок на мою бывшую дверь.

- Элина, - сказала Корвена тихо. - Он не за замком приходил. Он за тобой.

- Пусть приходит за мной к двери гильдии. Когда меня впишут в реестр.

Я вышла из лавки. Утренний свет бил по глазам, и я прищурилась, не выпуская саквояжа. На мосту через реку стоял мальчишка-посыльный, не Тобиас, другой, и вертел в руках медяк. Увидел меня, сунул монету в карман и пошел прочь. Я смотрела ему в спину и думала, что если сейчас обернусь, то увижу Рейнара. Не обернулась.

Шла к Норе.

Комната у Норы пахла дешевым мылом и нагретой пылью. Я поставила саквояж у порога, и дерево пола крякнуло, принимая тяжесть. Нора стояла у окна с иголкой в руке, штопала мужскую рубашку, и даже не повернулась, когда я вошла. Только по тому, как у нее замерла спина, я поняла, что она слышала шаги на лестнице и ждала, чьи они.

- Я пришла не плакать, - сказала я.

Она воткнула иглу в ткань и повернулась. Лицо было спокойным, но под глазами лежала тень, и я впервые подумала, что Нора тоже не спит вторую ночь, только по другим причинам.

- Я принесла саквояж. И двести крон медью. Хочу снять у

тебя угол на две недели. Мне нужно место, где меня не ищут ни Лотар, ни Рейнар, ни инспектор.

Нора подошла, тронула ручку саквояжа. Пальцы у нее были тоньше моих, с обожженными подушечками от утюга.

- Это твои трубки?

- Мои.

- А саквояж чей?

- Мой. Куплен на первые деньги от стекла.

Она кивнула. Потом прошла к комоду, вытащила из-под белья жестяную коробку, открыла. Внутри лежали три монеты по десять крон и несколько мелких. Она пересчитала, отложила в сторону двадцать.

- Десять задаток. Десять за первую неделю. За вторую отдашь, когда впишут в реестр. Если не впишут, отдашь трубкой.

Я выложила на стол двести крон медью. Горка была тяжелой, и Нора смотрела на нее так, будто я положила на стол змею.

- Откуда столько?

- За брачный кубок. Лотар не нашел серебра.

Нора не дотронулась до денег. Долго смотрела на горку, потом подняла глаза. В них было что-то, чего я не видела с детства: усталая, взрослая злость, которую она научилась прятать за спокойным лицом.

- Ты продала кубок за медь.

- Я забрала его по закону. А это выкуп за молчание.

- Ты понимаешь, что теперь по городу пойдет слух? Элина Вейр взяла медь за брачный кубок. Элина Вейр ушла из рода за двести крон.

- Пусть идет. Мне нужна комната.

Нора взяла деньги. Пересчитала, не торопясь, ссыпала в коробку, закрыла. Из-под матраса достала запасной ключ, протянула.

- Комната за кухней. Хозяйка не проверяет сундуки, но она не пускает мужчин выше первого этажа. Если Рейнар придет, я его не впущу.

- Рейнар не придет.

- Придет, - сказала Нора просто. - Он приходил вчера. Стоял у моей двери, не звонил. Просто стоял. Я вышла за хлебом, а он стоял. И ушел, когда увидел, что я его вижу.

Я села на табурет. Ноги держали, но внутри что-то дрожало, и я заставила себя дышать ровно.

- Что он хотел?

- Не знаю. Может, меня. Может, тебя через меня. Может, хотел убедиться, что я не пушу тебя к себе, чтобы ты не нашла в моем лице союзницу. Я не знаю, что у него в голове, Элина. Я швея, я не читаю драконов.

Я взяла ключ. Медный, с простой нарезкой, без герба. Положила в карман, к записке Марты.

- Если он придет снова, скажи ему, что я сняла угол у другой знакомой. Имя не говори.

- Он и так узнает. Через хозяйку, через мальчишек, через

писаря в гильдии. Драконы не ищут сами, они платят тем, кто ищет.

- Тогда пусть платит. У меня есть месяц.

Нора подошла ко мне, села рядом. Взяла мою руку, повернула ладонью вверх. Красная полоса от ручки саквояжа, уже наливавшаяся синяком, лежала поперек линии жизни.

- Ты держишь саквояж, как будто он тебя спасет.

- Он меня и спасет. Одиннадцать трубок, резец, флакон с оловом и запасная лента. Я могу завтра выдуть кубок и продать его за три серебряных. Если надо будет бежать из города, я заработаю на дорогу в первый же день.

Нора отпустила мою руку.

Утром я проснулась от запаха горячего хлеба и не сразу поняла, где лежу. Потолок был низкий, с трещиной поперек, и солнце било прямо в эту трещину. Саквояж стоял у стены, где я его оставила, и я протянула руку, проверила застежку. Не тронут.

За стеной скрипнула дверь, и запах хлеба стал гуще, с примесью топленого масла и чего-то кислого. Я села на кровати, нырнув пальцами в карман, нащупала ключ от комнаты и записку Марты. Бумага слиплась от пота, но почерк прощупывался.

- Ешь, - сказала Нора из-за перегородки. - Уже накрыла.

Она сидела за столом с краюхом хлеба и кружкой отвара. Перед ней лежала тетрадь, и я узнала обложку - нашу домашнюю, ту, что мать завела, когда я выдула первый кубок. Нора

листала страницы, и пальцы у нее двигались медленно, как у человека, который боится что-то уронить.

- Зачем она тебе? - спросила я, садясь напротив.

- Хотела посмотреть, сколько мы должны были роду Эш.

- Сколько?

- Много.

Я отломил кусок хлеба. Горячий, с корочкой, и масло на нем таяло быстро. Жевать было трудно - челюсть сводило, и я подумала, что это от вчерашнего торга с Лотаром, от того, как я долго держала рот сжатым, чтобы не закричать.

- Дай сюда.

Нора положила тетрадь. Я открыла на последних страницах, где мать писала размашисто, уже больной рукой. Каждая запись начиналась одинаково: дата, сумма, россыпь мелких расходов - уголь, олово, кварц, масло для ламп, хлеб для подмастерьев. Под суммой иногда стояла приписка: "записано в долг рода", "в счет будущих заказов", "под честное слово".

Я листала до самой первой страницы и считала. Цифры шли одна за другой, и каждая была аккуратнее имени матери. Суммы были небольшие - по три, по пять крон, но их было много, и к концу года они складывались в круглую цифру, от которой у меня перехватило дыхание.

- Сто двадцать семь крон, - сказала я. - И это только за два года.

- За пять, - поправила Нора. - Мать начала вести счет, когда ты вышла за Рейнара. До свадьбы род давал ей работу,

после свадьбы стал давать долги.

- Она никогда мне не говорила.

- Она никому не говорила. Думала, что долг - это способ удержать тебя в роде. Что ты не уйдешь, пока не вернешь.

Я закрыла тетрадь. Положила ладонь на обложку и почувствовала под пальцами следы от чернил, въевшиеся в кожу.

- Кто знает про эту тетрадь?

- Я. Теперь ты.

- Рейнар?

- Нет. Он давал деньги матери напрямую, через Лотара. Я видела расписки, но они у Кастора.

- У Кастора, - повторила я. - У того, кто подделал печать совета.

Нора посмотрела на меня долго, и я поняла, что она ждала этих слов. Не подсказки, а имени.

- Элина, - сказала она тихо. - Если ты понесешь эту тетрадь в совет, тебя спросят, откуда она у тебя. Если скажешь правду, меня выгонят из гильдии за кражу из дома сестры. Если соврешь, совет узнает и будет хуже.

- Я не понесу ее в совет. Я понесу ее Марте.

- Зачем?

- Потому что Марта ведет расходы рода. И потому что Марта даст мне справку, что эти долги - выдумка. Что мать записывала под диктовку Лотара, а не по памяти. Тогда тетрадь станет не доказательством долга, а доказательством подделки.

Нора встала, прошла к окну, прижалась лбом к стеклу. Утренний свет сделал ее лицо моложе, но тени под глазами остались.

- Ты будешь воевать с родом через мертвую мать, - сказала она.

- Я не воюю. Я просто хочу, чтобы Лотар перестал считать меня должницей.

Я взяла тетрадь, положила в саквояж поверх трубок. Застежка не закрылась, и я прижала крышку рукой, чувствуя, как под пальцами скрипит кожа и сминается угол обложки.

- Сегодня я пойду к Марте. Не сейчас - вечером, когда Кастор уйдет на совет. Потом к инспектору Соль, оставлю тетрадь на хранение как свидетельство по делу о подделке печати. Соль не сможет отказать, потому что тетрадь подтверждает, что Лотар пользовался матерью как писцом для подложных расписок.

- Ты уверена, что Марта поможет?

- Уверена, что она захочет помочь. Поможет ли - узнаю вечером.

Я доела хлеб, запила отваром. Горький, с полынью, и я подумала, что Нора варит его специально для меня, чтобы я не спала на ходу. Саквояж встал на плечо привычно, и красная полоса на ладони отозвалась тупой болью. Я посмотрела на руку, потом на ключ от комнаты, лежащий на столе.

- Ключ оставь себе, - сказала Нора. - Я верну его, когда ты придешь за вещами.

- Я приду вечером.

- Я знаю.

Я вышла из комнаты, спустилась по лестнице, и хозяйка дома - грузная женщина с мукой на переднике - посмотрела мне вслед так, будто запоминала лицо. На улице было светло, пахло дымом и навозом, и я перехватила лямку саквояжа поудобнее, подставляя плечо под тяжесть.

До Марты оставалось три часа. До инспектора - четыре. До закрытия гильдии - пять. Я шла по улице и считала не время, а вещи в саквояже. Одиннадцать трубок, резец, флакон с оловом, запасная лента, брачный кубок, теперь - тетрадь матери. Этого было мало для войны с родом. Этого было достаточно, чтобы не сгинуть.

- Тогда ложись. Ты серая. У меня есть хлеб и козий сыр, я покормлю тебя перед сном. А утром пойдешь к гильдии и сделаешь то, что должна.

Я легла на узкую кровать, не раздеваясь. Саквояж поставила рядом, на расстоянии вытянутой руки. Скрипнула пружина. За стеной кто-то ругался на детей, и голос был такой обыкновенный, такой человеческий, что я закрыла глаза и впервые за двое суток позволила себе не думать ни о Рейнаре, ни о Лотаре, ни о кубке, который теперь лежал в саквояже вместе с трубками.

Утром я проснулась от запаха горячего хлеба.

Глава 4. Комната над лавкой

Ладонь у меня горела там, где Марта торопилась зажать мне пальцы своей рабочей клюкой. Ожог был не сильный, но ровный, как по линейке, и пах паленой кожей, а не серой. Тобиас выл в углу, прижимая к животу тряпку с отваром, и я считала его вдохи, чтобы не считать удары собственного пульса.

— Дай посмотрю, — сказала Корвена, не отрываясь от стола.

Она резала бинт, и нож у нее в руке двигался ровно, как у меня, когда я ставлю отметку на кубке. Это меня и держало. Не голос, не жалость, а движение ножа по ткани. Я разжала пальцы и положила ладонь на расстеленный чистый лен. Марта отступила на шаг, и я увидела, как у нее дрогнули губы. Она не плакала. Экономка рода Эш не плачет при посторонних. Она вообще не плачет.

— Кто это сделал? — спросила я у Тобиаса.

Мальчишка замотал головой, и из угла плеснуло темной кровью. Я зашипела сквозь зубы. Рана была не глубокая, но длинная, от локтя до запястья, словно кто-то вел палкой по рукаву. Это не сталь, это палка. Горячая палка, иначе кожа не взялась бы пузырями.

— У дверей кухни, — выдавил он. — Он задел плечом, я упал, а потом... когда я поднялся, он сказал, что я толкнул,

и показал на свой рукав, и там... там было масло.

Я закрыла глаза. Тобиас не толкнул бы старейшину, даже если бы старейшина стоял на его горле. Я знала это, как знала цену меди.

— Марта, — сказала я, не открывая глаз. — Он врал.

— Элина, — она впервые за этот час назвала меня по имени. — Услышь, что ты говоришь. Это мальчик. Это хозяин кухни.

— Хозяин кухни не носит родовую печать на фартуке, — ответила я.

Комната стала тише, чем была. Тобиас перестал выть, и я услышала, как у Корвены звякнул нож о край миски. Это был маленький, аккуратный звук, но я поняла, что Марта тоже его услышала. Экономка сделала шаг назад, от окна, и села на табурет, который обычно стоял у печи. Она села не как экономка, а как уставшая от своих женщин мать.

— Дай ему отвар, — сказала я Корвене. — Потом я промою руку.

Корвена не спорила. Она отставила нож, налила из чугунка в глиняную чашку, и я почувствовала запах полыни, ромашки и зверобоя. Тобиас послушно выпил, сморщился, и его дыхание стало медленнее. Хорошо. Я взяла чистую тряпку, подставила под кран, пустила воду и начала мыть руку. Вода была холодная, и от нее кожу на ожоге стянуло, как перчаткой. Я считала секунды до десяти, чтобы не закричать. На девятой Тобиас тихо, по-детски, всхлипнул.

— Не смей, — сказала я ему. — Если ты заплачешь, я не довезу тебя до этого дома.

Он закусил губу. Хороший мальчик. Пятнадцать лет, уже подмастерье, уже с ключом от чужой кухни, уже умеет молчать, когда надо. Я промокнула руку льном, затянула бинт, прижала края пальцами. Бинт был свежий, плотный, без складок. Ровный.

— Корвена, — позвала я. — У тебя найдется чистая рубаха?

— Найдется, — она кивнула.

— И черный хлеб. И сыр. И что-нибудь мясное, если есть.

Корвена посмотрела на меня, но я уже не смотрела на нее. Я смотрела на Марту. Экономка выпрямилась на табурете, и я поняла, что она поняла. Тобиас не дойдет до мастерской один. У него есть ключ от кухни, но кухня с этой минуты будет ему не ключ, а замок на горле. Если я отпущу его, Кастор узнает, что мальчик рассказал лишнее. Если оставлю, я не смогу принять заказ без мастера. Третьего пути не было.

— Я заберу его к себе, — сказала я. — На верхнюю комнату. Двое суток. Потом верну.

— Элина, — голос у Марты сел. — У тебя нет комнаты.

— Комната есть, — ответила я. — Теперь нет ключа.

Корвена вышла, и через минуту я услышала, как она возится у печи. Достает сверток, шелестит бумагой, прижимает дверцу. Потом заскрипела лестница, и лавка внизу отозвалась глухим эхом. Тобиас перестал всхлипывать. Я присела

перед ним на корточки, посмотрела в глаза. Он был бледный, сероватый, и у него на подбородке блестел пот.

— Двое суток, — повторила я. — Молчишь, ешь, спишь. Потом я верну тебя к Марте. Или к себе. Как пойдет.

— Я не знал, что увидят, — прошептал он.

— Никто не знает, — сказала я. — Поэтому я здесь.

Он поднял здоровую руку, и я помогла ему встать. Марта осталась сидеть. У нее в руках была чистая салфетка, которую она мяла, как старый подол. Я сняла с вешалки свой дорожный платок, накинула Тобиасу на плечи, и мы пошли к двери.

У порога Марта окликнула меня.

— Элина, — сказала она. — Зачем тебе ключ от кухни, если у тебя есть печь?

— Чтобы знать, кто сегодня у Кастора не ест, — ответила я.

Я не обернулась. Дверь была низкая, и Тобиасу пришлось пригнуться. На лестнице пахло лавандой и нагретым деревом. Я вела его медленно, потому что он припадал на правую ногу, и несла его сумку в левой руке. В правой у меня был бинт, и бинт еще хранил тепло мальчишеского плеча.

— Дай посмотрю, — сказала Корвена, не отрываясь от стола.

— Кто это сделал? — спросила я у Тобиаса.

— Марта, — сказала я, не открывая глаз. — Он врал.

— Хозяин кухни не носит родовую печать на фартуке, —

ответила я.

— Дай ему отвар, — сказала я Корвене. — Потом я промю руку.

— Не смей, — сказала я ему. — Если ты заплачешь, я не доведу тебя до этого дома.

— Корвена, — позвала я. — У тебя найдется чистая рубаха?

— Найдется, — она кивнула.

— И черный хлеб. И сыр. И что-нибудь мясное, если есть.

— Я заберу его к себе, — сказала я. — На верхнюю комнату. Двое суток. Потом верну.

— Элина, — голос у Марты сел. — У тебя нет комнаты.

— Комната есть, — ответила я. — Теперь нет ключа.

— Я не знал, что увидят, — прошептал он.

— Никто не знает, — сказала я. — Поэтому я здесь.

У порога Марта окликнула меня.

— Элина, — сказала она. — Зачем тебе ключ от кухни, если у тебя есть печь?

— Чтобы знать, кто сегодня у Кастора не ест, — ответила я.

На площадке я остановилась и прислонила Тобиаса к стене. Под нами скрипнула дверь лавки, и я слышала шаги. Не Корвена — Корвена ходит тише. Не Марта — Марта ушла в комнату. Шаги были мужские, тяжелые, уверенные, и они поднимались по лестнице. Я положила ладонь Тобиасу на грудь и отступила так, чтобы он оказался у меня за спиной.

— Сиди, — шепнула я. — Не оборачивайся.

Из-за поворота показался Рейнар. Без плаща, в одной рубашке с закатанными рукавами, и обручальный браслет на запястье блестел тускло, как старая медь. Он увидел меня и остановился так резко, что качнулся сам. Его глаза скользнули по моему лицу, по бинту на моей руке, по мальчишке у стены, и у него на скулах проступила белая полоса.

— Что у тебя с рукой, — спросил он.

Это не был вопрос. Это было обвинение, и я ответила на него так, как отвечала на обвинения последние сутки.

— Ожог, — сказала я. — Подмастерье обварился кипятком. Ты пришел за отчетом или за ключом?

Он сделал шаг. Один. Я выставила вперед здоровую руку.

— Не подходи. Здесь лестница, мальчик и свидетели. Говори снизу.

Рейнар остановился. У него на скулах желваки ходили так, словно он жевал камни. Я видела, как он смотрит на Тобиаса, как считает его годы, рост и рану, и я понимала, что он делает: он запоминает, чтобы потом использовать или защитить, и я не знала, что хуже.

— Ключ у меня, — сказал он тихо. — От комнаты. Я принес его утром, когда Корвена была в лавке. Положил в нишу у водостока, чтобы никто не видел. Ты взяла?

Я молчала. Это был он. Запасной ключ, который я нашла утром в нише и не поняла, откуда он там. Значит, не Корвена. Значит, он приходил до рассвета, пока я варила кашу для

Тобиаса, и положил ключ так, чтобы я нашла его случайно.

— Зачем? — спросила я.

— Чтобы у тебя был адрес, — ответил он. — Не имя рода, не печать. Адрес.

Я посмотрела на его браслет. Потом на его руки. Потом на его лицо. Он не спал, это было видно по синим теням под глазами и по тому, как он держал плечи, словно они ему мешали.

— Корвена сдает мне верхнюю комнату, — сказала я ровно. — Плата — три кроны в неделю. Это мой договор. Не твой.

— Знаю, — сказал он.

— Тогда зачем ключ?

Он не ответил. Вместо этого он достал из кармана мятый клочок бумаги и положил его на ступеньку между нами. Я не двинулась с места, и бумажка лежала на сером дереве, как маленький белый флаг.

— Это счет, — сказал он. — За два кубка, которые ты вчера выдула на печи Корвены. Я оплатил его в гильдии. Чтобы голосование не остановили.

— У меня нет денег, — ответила я. — Чтобы отказаться.

Он кивнул. Это было кивок человека, который привык получать отказы и считать их ценой.

— Поэтому я и принес ключ, — сказал он. — Чтобы ты не считала.

Я подняла бумажку. Счет был настоящий, с печатью гиль-

дии, с моим именем и суммой. Я сложила его пополам, потом еще раз, и сунула в карман рядом с запиской Марты без подписи.

— Спасибо, — сказала я. — Это все.

Рейнар не двинулся. Он смотрел на меня так, словно пытался запомнить лицо, и я знала этот взгляд, я ненавидела этот взгляд, потому что в нем было все то, что он не сказал утром в чулане. Я повернулась к Тобиасу, помогла ему встать, и мы пошли выше. Я не обернулась, но я слышала, как он стоит на лестнице и дышит. Долго. Пока дверь лавки внизу не скрипнула и голос Корвены не позвал меня по имени.

— Элина, — сказала она снизу. — Каша остыла.

— Иду, — ответила я.

Я довела Тобиаса до площадки, открыла своим ключом дверь в верхнюю комнату и впустила его внутрь. Он зашел, привалился к стене и сполз на пол. Я сняла с него свой платок, накинула на сундук у двери и присела рядом.

— Двое суток, — повторила я в третий раз. — Сейчас еда, потом сон.

Он закрыл глаза. Я выпрямилась и посмотрела на свою правую руку. Бинт был ровный, и под ним кожа горела ровно, как по линейке. Это не Кастор. Это палка у кухни. Это масло на рукаве. Это мальчик, который умеет молчать. Это комната, которая теперь моя по договору с Корвеной, и ключ, который лежит в нише у водостока и которого у меня нет. Я

засунула руку в карман и нащупала счет, сложенный пополам. Потом — записку Марты. Потом — собственные пальцы, горячие и чужие.

За дверью скрипнула лестница. Рейнар уходил. Я слышала его шаги — тяжелые, ровные, и браслет на его запястье тихо звякал о перила. Я сняла руку с кармана, подошла к окну и выглянула во двор. Он вышел из лавки, остановился на секунду, поднял голову и посмотрел на мое окно. Я отступила в тень. Когда я снова посмотрела, на улице было пусто. Только мокрый снег на серой брусчатке и мой собственный дым из печной трубы.

Я задернула занавеску из плотной серой ткани, приложила палец к краю и проверила, не видно ли меня с улицы. Не видно. Я отошла от окна, присела у сундука и пощупала лоб Тобиаса. Горячий, но не лихорадочный. Тобиас спал, как спят мальчишки, которые устали бояться, и его ресницы дрожали. Я поправила под ним свой платок, встала и начала собирать то, что должно было пережить ночь.

Трубки я положила в ряд на столе у стены, флакон с оловом подвинула ближе к печи, тетрадь с заказами положила поверх записки Марты без подписи. Рядом лег счет, который Рейнар принес на лестнице. Я не хотела смотреть на счет, но все равно смотрела. Двенадцать крон. Я тронула пальцем печать гильдии, и бумага чуть хрустнула. Двенадцать крон за то, чтобы совет не остановил голосование. У меня в кармане двести медью, и ни одной серебряной. Я убрала счет под

тетрадь, чтобы не видеть имя, и повернулась к Тобиасу.

— Мальчик, — сказала я негромко. — Ты меня слышишь?

— Слышу, — ответил он не открывая глаз.

— Сейчас будет каша. Потом сон. Потом разговор. Если хочешь уйти до разговора — уходи с утра. Если нет — оставайся.

Он приоткрыл один глаз, и я увидела в этом глазе решение, которое он уже принял, пока я варила кашу. Он остается. Я кивнула, выпрямилась и пошла вниз.

В лавке пахло сушеной мятой и нагретым деревом. Корвена сидела за прилавком и перебирала коренья, и я заметила, что она разложила травы по столбикам, а не как обычно, лентой. Она ждала меня. Я поставила локти на прилавок и положила подбородок на руки.

— Каша остыла, — сказала Корвена.

— Знаю.

— Я подогрела.

— Спасибо.

Она поставила передо мной миску, и я увидела, что на ложке лежит крошечный кусочек масла, которое она взяла из погреба. Я посмотрела на масло, потом на нее, и она пожала плечами.

— Мальчишка обварил руку, — сказала она. — Масло на рану, масло в кашу. Закон гостеприимства.

Я начала есть, и каша была жидкая, но горячая, и масло

в ней таяло языком. У меня в горле встал горячий ком, и я не сразу его проглотила. Корвена не смотрела на меня. Она перебирала коренья и тихо стучала ножом по доске.

— Элина, — сказала она наконец. — Я должна тебе сказать одну вещь.

Я перестала жевать.

— За тобой приходили.

— Кто?

— Иссара Вельт.

Я положила ложку. Корвена подняла глаза, и в них не было ни злости, ни насмешки. Только усталая честность.

— Она пришла через час после твоего ухода к гильдии. Спросила тебя. Я сказала, что тебя нет. Она не ушла. Стояла у прилавка и смотрела на печь. Потом спросила, не продаешь ли ты ученические места. Потом попросила передать письмо.

Я молчала. У меня в груди что-то сжалось, и я не знала, злость это или страх. Иссара Вельт в моей лавке. Иссара Вельт, которая сидела в кресле невесты и спорила за мой брачный кубок, пришла сюда и спросила ученическое место. Это было за пределами моего понимания, и я это ненавидела.

— Где письмо? — спросила я.

Корвена молча положила на прилавок сложенный лист. Я взяла его, развернула и прочитала. Почерк у Иссары был ровный, с завитками, и я сразу узнала в нем руку человека, который с детства писал гусиным пером, а не стеклодувным

резцом.

«Госпожа Вейр. Я не буду утверждать, что мы подруги или что вы мне должны. Я пришла сказать вам одно: Лотар сегодня после полудня подал в городской совет жалобу на то, что вы вынесли из рода брачную чашу без разрешения хранителя печати. Жалобу отклонили, потому что статья 14 закона огненных родов работает на вашей стороне. Но Кастор потребовал от совета новой проверки и нового голосования по вашему прошению в гильдию. Голосование перенесено на две недели раньше. Это не совет. Это не дружба. Это просьба от одной женщины к другой: не ходите в совет без свидетеля. Иссара Вельт».

Я перечитала дважды. Потом третий раз. Потом положила письмо на прилавок и закрыла глаза. Голосование на две недели раньше. Не месяц. Две недели. У меня не было ни печати, ни мастерской, ни единого готового кубка, который можно предъявить совету. У меня была форма в саквояже, старая печь Корвены, мальчишка с обваренной рукой наверху и письмо от женщины, которая должна была меня ненавидеть.

— Элина, — сказала Корвена осторожно. — Что в письме?

Я открыла глаза и посмотрела на нее. У нее в руках был нож, и она не заметила, как крепко его сжала. Я подвинула письмо к ней, и она прочитала его медленно, шевеля губами.

— Две недели, — сказала она наконец.

— Две недели, — повторила я.

— Ты можешь уехать.

— Куда?

Она не ответила. У нее не было ответа, и у меня не было ответа, и это было самое страшное, что я знала о себе за последние сутки. Я забрала письмо, сложила его вчетверо и спрятала в карман рядом с запиской Марты и счетом Рейнара. У меня в кармане лежала целая жизнь, которую я не могла предъявить совету.

— Я не уеду, — сказала я. — Я выдую партию кубков за две недели. У меня есть печь, есть трубки, есть олово. У меня есть ты как свидетель. У меня есть мальчишка, который умеет молчать. Больше ни у кого в этом городе нет даже этого.

Корвена кивнула. Она не спорила. Она не уговаривала. Она налила мне вторую миску каши и поставила рядом кружку с отваром, который пах мятой и полынью. Я обхватила кружку ладонями, и под бинтом кожу обожгло теплом. Я подумала, что это хороший знак. Я подумала, что это плохой знак. Я перестала думать и выпила отвар до дна.

За стеной мальчишка закашлялся, и кашель был короткий, сухой, мальчишеский. Я встала, забрала миску и кружку и пошла наверх. У порога я остановилась и посмотрела на Корвену.

— Если завтра придет Иссара, — сказала я, —пусти ее. Только не в мастерскую. В лавку. И только если я буду в мастерской.

— А если ты будешь в мастерской и она попросит войти?

— Тогда скажи ей, что ученическое место я решаю сама и не по письму.

Корвена кивнула. Я поднялась по лестнице, вошла в комнату и закрыла дверь на ключ. Тобиас лежал на полу, под головой у него был мой платок, и он смотрел в потолок широко открытыми глазами. Я присела рядом, положила ладонь ему на грудь и почувствовала, что сердце у него колотится, как у пойманной птицы.

— Мальчик, — сказала я. — Ты знаешь, что у меня нет клейма. И что голосование теперь через две недели.

— Знаю, — сказал он.

— Тогда знай и второе. Если ты останешься, ты будешь моим первым подмастерьем. Не по бумаге. По делу. Я не обещаю тебе ни жалованья, ни имени, ни тепла. Я обещаю тебе только одно: я тебя не сдам.

Он моргнул. Потом осторожно, больной рукой, вытащил из-под платка маленький перочинный нож и протянул мне. Я взяла. Лезвие было тупое, ручка из оленьего рога, и на ручке была вырезана буква М. Я поняла, что это нож Марты, и что она отдала его племяннику, и что теперь он у меня, и что это значит больше, чем любой счет, оплаченный в гильдии.

— Я остаюсь, — сказал Тобиас.

Я кивнула, убрала нож в карман и пошла к печи. Нужно было начинать.

Я разожгла печь к рассвету, когда за окном еще стояла

синяя темнота и дым из трубы шел прямо вверх, как столб. Трубки лежали на столе в ряд, и я смотрела на них так, как смотрят на людей, которым не доверяешь, но без которых не выживешь. Тобиас спал на полу, свернувшись под моим платком, и его дыхание было ровным, детским, не похожим ни на одно дыхание в доме рода Эш.

Первый кубок я выдула за час до рассвета. Стекло пошло ровно, стенка встала тонкая, прозрачная, без единого пузырька. Я поднесла его к окну, и в нем отразился мой силуэт — растрепанные волосы, мужская рубашка, слишком длинные рукава. Я подумала, что это хороший знак. Кубок был правдивый. Я поставила его на стол и накрыла чистой тряпичей.

Второй кубок пошел с косой рябью. Я заметила это, когда стекло уже остыло, и сердце у меня упало. Рябь шла от доннышка к краю, как трещина в замерзшей воде. Я подняла кубок к свету, посмотрела на просвет и поняла: стекло запомнило то, что я не сказала вслух. Злость. Усталость. Страх. Все, что я держала в горле, пока варила кашу и перевязывала руку мальчишке, стекло проявило на себе, как кожа проявляет болезнь.

Я поставила оба кубка рядом и долго на них смотрела. Ровный и рябой. Правда и ложь. Я знала, какой понесу в гильдию. Рябой. Потому что совет должен видеть, что я не притворяюсь, что мои руки помнят все, что я пережила за эту ночь, и что я не собираюсь это скрывать.

— Госпожа, — сказал Тобиас за моей спиной.

Я обернулась. Он сидел на полу, привалившись к стене, и смотрел на кубки круглыми глазами.

— Рябой красивее, — сказал он.

— Рябой честнее, — поправила я.

Я завернула оба кубка в мягкую ткань, уложила в саквояж и спрятала под стол. Потом встала, подошла к окну и посмотрела вниз. Утро начиналось холодное, и на карнизах соседнего дома лежал иней. Я обхватила себя руками и почувствовала под ладонями тугую повязку на правом запястье. Вчерашний ожог от трубки. Я подумала, что это хороший знак. Руки еще живы.

К полудню пришла Корвена. Она принесла хлеб, кружку молока и маленький горшочек меда. Я ела, не чувствуя вкуса, и смотрела на саквояж. Корвена молчала. Она села на лавку у печи, достала свою книгу записей и начала что-то выписывать.

— Что ты пишешь? — спросила я.

— Расход, — сказала она. — Полено, уголь, масло. Ты мне должна за уголь и за бинт.

Я кивнула. Долг. Это было правильно. Долг — это когда ты знаешь, что отдашь, и когда знаешь кому. Я вытащила из кармана горсть медяков, отсчитала нужное и положила на стол.

— Остальное потом, — сказала я.

— Потом, — согласилась она.

Она пометила долг в книге, закрыла ее и посмотрела на меня.

— Ты готова?

— Нет, — сказала я. — Но я пойду.

Я встала, подняла саквояж и пошла к двери. На пороге обернулась. Тобиас сидел на полу и смотрел на меня так, как будто я уходила навсегда.

— Я вернусь, — сказала я.

— Я знаю, — ответил он.

Я кивнула, закрыла дверь и спустилась по лестнице. В лавке пахло сушеными травами и холодным камнем. Корвена шла рядом, и я чувствовала ее плечо у своего плеча, и это было странное чувство — идти куда-то не одной.

Мы вышли на мост, и ветер ударил мне в лицо, холодный и влажный. Я остановилась, посмотрела на воду внизу и подумала: месяца хватит. Двух недель хватит. Мне хватит.

— Идем, — сказала я.

И мы пошли в гильдию.

Глава 5. Сломанная дверь

Ключ провернулся в замке с третьего раза. Медный, чужой, я сама его вчера купила на базаре за четыре кроны и сама врезала в дверь, потому что прежний хозяйский замок ловил чужой слух. Петли скрипнули ровно так, как скрипят петли, когда в доме давно никого не было. В прихожей пахло остывшим хлебом от соседки и подмокшей золой из-под лестницы, и я на секунду отсмеялась собственной шутке про огненный род, из которого меня выставили без единого угля.

Саквояж я опустила на лавку, прижала коленом, не давая крышке хлопнуть. Тобиас сопел у меня за спиной, слишком громко сопел, как человек, который старается дышать через раз. Под фуражкой у него торчали вихры, на виске блестела полоска мази, и от него несло кухонным дымом, тем самым, каким пахнет жаровня, когда на нее плеснули маслом. Я заперла дверь на два оборота, сунула крючок в петлю, только тогда сняла с него шапку.

– Садись. Не на лавку, на табурет, у стены.

Он сел. Руки у него тряслись, и я заметила, что правый рукав у него подпален по шву, а под тканью, если присмотреться, тянется свежий розовый ожог от запястья почти до локтя. Марта всегда говорила, что на кухне рода Эш горячо, но чтоб настолько. Я молча поставила на стол глиняный кувшин с холодной водой, чистую тряпицу и баночку мази,

которую купила на свои у торговки на углу, когда увидела, как он спрятал рукав.

– Сначала вода, потом мазь, – сказала я. – Бинт потом. Не дергайся, мне не больно, тебе не больно.

Он зашипел, когда я отвернула ткань. Кожа под ней была белой и мокрой, кое-где уже слезла, и под ней розовело мясо. Это был не толчок к палке, как скажет потом Кастор. Это был жар, тот самый родовой жар, который жжет слуганок, когда они проходят слишком близко к печи.

– Рассказывай с начала, – сказала я. – Коротко.

– Я ніс сніданок, – выдохнул он, – на піднос. Дядька Кастор казав не затримуватись. Я пройшов повз піч, і вона... вона дихнула. Я не торкався. Я клянуся.

Я молча наложила мазь. Он зажмурился, но руки не отдернул.

– А печать, – спросила я тихо, – ти бачив на руці?

Він кивнув, не розплющуючи очі.

– На фартуху. Велика, залзна, з тризубом. Я бачив, як вона прикладалась до паперу. Там був чоловік, якого я не знаю. В бороді.

– Запам'ятав.

– Я намагаюсь, – прошепотів він. – Я намагаюсь.

Я перев'язала руку, поставила бинт в його сторону, сіла навпроти. Запах мазі забив кухонний дим, і кімната стала нарешті кімнатою, а не приймальним залом. Я дивилась на нього, на його вихри, на мокрий бинт, на тремтливі пальці,

і думала про те, як багато в цій історії залежить від одного хлопчика, який не вміє брехати.

Потім встала, витягла з саквояжу брачний кубок і поставила його на стіл між нами. Він стояв рівно, як стояв завжди, тонкий, з темно синьою ніжкою, і в ньому ще залишалось трохи того вина, яке я налила туди два тижні тому, перед прийомом. Я його не вимила. Я не знала, чи треба його мити перед тим, як розбити.

– Тобіас, – сказала я. – Тобі потрібен спадок. Мені – свідок. Якщо я зараз візьму цей кубок і вдарю об стіл, то за законом вогняних родів, чоловік втрачає право на дружину, а дружина – клеймо. Я хочу, щоб ти це бачив. І запам'ятав. І не розповідав нікому, доки я сама не скажу.

Він ковтнув. Очі у нього стали зовсім круглі.

– Це... це проти пані Іссари?

Я глянула на нього. На мить мені стало смішно, на мить – гидко, а на третю – ясно.

– Ні. Це проти того, хто мене обдурих. А пані Іссара тут ні до чого. Вона мені не ворог, вона мені не подруга. Вона дитина, яку поставили в чужу казку.

Він кивнув, і я побачила, як він стиснув кулак здорової руки, ніби присягався. Я підняла кубок, піднесла до губа, відпила ковток старого вина, кислого, теплого, і вдарила вінцем об край столу.

Скло луснуло. Звук вийшов не дзвінкий, а глухий, як тріщина в колоді, і три великі осколки впали на стіл, а один

скотився мені на коліна і ліг там, теплий, як набрякла шкіра. Тобіас охнув, я поклала голову на стіл, між осколками, і заплющила очі, бо повіки у мене горіли, і я не хотіла, щоб він це бачив.

— Свідок, — прошепотіла я в дерево. — Тепер ти свідок. Іди спати. Завтра я тебе відвезу до Марти.

Коли я підвела голову, Тобіас уже дивився на мене тими очима, якими діти дивляться на чужу помилку, намагаючись зрозуміти, чи можна її полагодити. Я вирівняла дихання, згорнула осколки в хустку, зав'язала вузол і поклала в кишеню, де вже лежали записки Марти і рахунок Рейнара. Кишеня стала важкою, і це було добре, бо це означало, що я ще щось важу.

К утру дождь перестал, но крыша над лавкой Корвены этого еще не знала. Капля упала мне на тетрадь, я закрыла страницу ладонью, потом подвинула тетрадь к стене, подсушила пятно краем рукава и вернулась к счету. Три кроны за уголь, две за бинт, четыре за замок. Итого девять, минус те, что я уже отдала. Двадцать крон в кассе, еще двести медью в кошельке, и каждая монета от Лотара лежала отдельно, потому что я не хотела мешать его деньги со своими.

Тобиас спал на тюфяке у стены, свернувшись так, чтобы больная рука лежала поверх одеяла. Бинт я переложила заново ночью, когда он застонал во сне. К утру жар спал, кожа под повязкой порозовела, и я решила, что до Марты он доживет. Саквояж стоял у двери, на нем сушились две трубки,

которые я вымыла вчера в тазу. Чужих духов в комнате не было, только лечебный дым и мокрая шерсть от шапки.

Я спустилась по лестнице, стараясь ступать на носки, но четвертая ступень все равно скрипнула. Корвена уже сидела за прилавком, разложив сушеные корни по мешочкам. Утро было серым, лампа горела, и свет от нее ложился на ее руки желтым пятном. Она подняла голову, посмотрела на меня и показала глазами на дверь черного хода.

– Спит, – шепнула я. – Жар спал. Рука заживет.

Она кивнула, отсчитала мне три медяка за прошлую неделю, сдвинула их ко мне через прилавок.

– Проверка послезавтра, – сказала она тихо. – Соль придет с двумя свидетелями. Если она найдет мальчишку, патент не продлят. Это я тебе говорю как соседка, не как хозяйка.

– Я увезу его сегодня, – ответила я. – К вечеру. Отвезу к Марте в экономный квартал, там его никто не ищет.

– Марта под Кастором, – напомнила Корвена.

– Марта его тетка, – ответила я. – Она спрячет.

Корвена поджала губы, но деньги назад не забрала. Я взяла медяки, сыпала в карман к остальным, и карман стал еще тяжелее. На улице пахло мокрым камнем и подгоревшей кашей из соседнего окна. Город просыпался тяжело, с хрипом, и я шла по Клеверной, стараясь не наступать в лужи.

У Марты на кухне было чисто, но пахло чужим холодом, тем особенным, какой стоит в доме, где хозяин уехал. Она открыла не сразу, посмотрела в щель, потом отступила, и я

вошла, не снимая саквояжа. Тобиас остался у двери, прижимая больную руку к груди.

— Племянник, — сказала я. — На двое суток. Ожог от печи, не от масла. Кастор соврал.

Марта молча поставила табурет, посадила мальчика, сама села напротив. Ее руки пахли хозяйственным мылом, и я заметила, что ногти у нее обломаны, как у человека, который уже неделю не спит.

— Я не могу его держать, — сказала она. — Если Кастор узнает, меня выставят в тот же день.

— Двое суток, — повторила я. — Потом я заберу его к себе в мастерскую. Я запишу его подмастерьем по делу. У него будет кров над головой и работа.

— У тебя нет мастерской.

— Будет, — ответила я. — Когда совет проголосует. А если не проголосует, я все равно его не выставлю.

Она посмотрела на меня долго, и я выдержала этот взгляд, потому что отвела глаза первой в прошлый раз и жалела об этом два дня. Тобиас сидел тихо, глядя в пол. Марта вздохнула, встала, достала с верхней полки жестяную коробку с сухариками и поставила перед ним.

— Ешь, — сказала она. — И не шуми.

Я вышла на крыльцо, и воздух сразу стал легче. Дождь снова начал накрапывать, мелкий, упрямый, и я постояла минуту, прижав ладонь к карману, где лежали осколки брачного кубка, завернутые в хустку. Они охладили ткань сквозь

подкладку, и я подумала, что это единственное, что у меня сегодня осталось от брака, – кусок стекла с моей губной помадой на краю.

На обратном пути я зашла в гильдию. Писарь был тот же, вчерашний, и он узнал меня, едва я переступила порог. На столе у него лежала моя прошение, подшитое к делу, а рядом – новая бумага с гербовой печатью рода Эш.

– Перенесли голосование, – сказал он, не поднимая глаз. – На две недели раньше. По требованию хранителя печати. Кастор Эш.

Я положила ладонь на стол, рядом с прошением.

– По какому праву?

– По праву хранителя печати, – повторил он. – Совет удовлетворил.

– Мне нужна копия требования, – сказала я. – И копия решения совета. За плату.

Он помолчал, потом назвал цену. Я отсчитала медяки, забрала две тонкие копии, свернула их вчетверо и убрала во второй карман, тот, где лежала записка без подписи. Два кармана, две тяжести, и обе мои.

На мосту через реку я остановилась, развернула копию, прочитала требование Кастора строчка за строчкой. Подпись стояла ровная, уверенная, та же рука, что ставила печать на брачной чаше. И я вдруг поняла, что эта подпись может пригодиться мне больше, чем сам развод, если я покажу ее рядом с подписью на брачной чаше и попрошу писаря сравнить

нажим.

С моста пахло водой и ржавым железом, и я стояла, пока дождь не промочил мне плечи, и думала о том, что первая улика у меня уже в кармане, и она ничего мне не стоила, кроме двух недель ожидания, которые мне только что сократили.

– Благодарю, Кастор, – сказала я тихо, сложила копию и пошла обратно к лавке Корвены, ступая по мокрому камню, как по только что выдутomu стеклу.

У лавки Корвены пахло мокрой мятой и подгоревшей кашей из соседнего окна. Я толкнула дверь плечом, вошла, не снимая саквояжа, и остановилась. За прилавком, кроме Корвены, сидел Рейнар.

Он был в том же плаще, в каком приходил утром к лестнице, только теперь плащ был мокрый по плечам, и капля сползала по воротнику к самой шее. Обручальный браслет на запястье блестел тускло, и я поймала себя на том, что смотрю на него дольше, чем нужно. Корвена стояла за стойкой, перебирая сушеные корни, и вид у нее был такой, будто она очень хочет оказаться в другой комнате.

Я положила саквояж на пол, медленно, чтобы не звякнули трубки.

– Выйди, – сказала я ему.

– У меня к тебе дело, – ответил он, и голос был ровный, тот самый, каким он отдавал приказы слугам.

– У тебя ко мне дело в гильдии, на мосту, на площади, где

удовно. Не здесь.

– Здесь тепло, – сказал он, и я почувствовала, как у меня сводит скулы. Тепло. Будто он пришел греться.

Корвена кашлянула.

– Я посмотрю уголь, – сказала она и ушла за полку, оставив нас одних. Я слышала, как она возится там нарочно громко, чтобы слышать, не начнем ли мы кричать.

Рейнар встал. Он был выше меня на полголовы, и я помнила эту разницу так точно, будто ее измерили мне по шее. Из кармана он вынул тонкий сверток, положил на прилавок.

– Это копия жалобы Кастора в гильдию, – сказал он. – Он требует перенести голосование и снять тебя с реестра раньше срока. Я снял копию, пока он спал.

Я не двинулась.

– Зачем тебе это.

– Потому что я не дам ему выкинуть тебя раньше, чем совет посмотрит твою партию.

– Ты дал ему три дня тянуть мое прошение, – сказала я. – А теперь приносишь мне копию его жалобы. Это не помощь, это смена декорации.

Он сжал челюсть. Я видела, как качнулся браслет на его запястье, и подумала, что глупо носить вещь, которая ничего уже не значит.

– Я пришел не спорить, – сказал он. – Я пришел сказать, что голосование будет через двенадцать дней, не через месяц. Кастор добился переноса. Я не смог его отменить, я смог

только выторговать две недели вместо четырех.

Я подошла к прилавку, развернула сверток. Внутри лежал лист, исписанный ровным почерком Кастора, и внизу стояла его подпись, та самая, что я уже видела утром на мосту. Подпись была другая, нажим мягче, и я поняла, что Кастор устал, когда ее ставил, или торопился.

– Откуда у тебя это, – спросила я, не поднимая глаз.

– Из его стола, – ответил он. – Он оставил ключ в замке, когда заснул в кресле.

– Ты обыскал стол дяди, – сказала я. – Чтобы мне помочь.

– Чтобы он не выиграл, – ответил он. – Это разное.

Я положила лист обратно на прилавок.

– Я не возьму это, – сказала я. – Если совет узнает, откуда у меня копия, тебя выставят из рода. Кастор не простит. А мне не нужно, чтобы ты снова стал жертвой из-за меня.

– Я не жертва, – сказал он тихо. – Я дурак, который верит, что может сидеть на двух стульях.

Я почувствовала, как у меня дрогнули пальцы. Это была та самая фраза, которую я говорила ему в первый год брака, когда он пытался угодить и Лотару, и мне. Я сказала тогда: на двух стульях не усидишь, либо свалишься, либо научишься падать красиво. Он тогда не услышал.

Я отступила на шаг.

– Забирай лист, – сказала я. – И уходи. Я сама достану копию через писаря.

– Писарь не даст тебе копию без протокола, – сказал он.

– А протокол Кастор закроешь.

– Это моя проблема, – ответила я. – Не твоя. Ты не хранитель моих бумаг. Ты даже не мой муж. Ты гость у двери, и я тебе не открывала.

Он смотрел на меня, и я видела, как у него побелели костяшки пальцев на краю прилавка. Потом он медленно положил ладонь на лист, и я заметила, что на безымянном пальце у него кожа обожжена, тонкая красная полоса, похожая на ту, что остается, если схватить раскаленную трубку.

– Ты обжегся, – сказала я, и сама удивилась, что сказала это вслух.

– Упекся, – ответил он. – Утром, когда варил уголь для печи.

Я знала, что он врет. Рейнар не варил уголь, у него для этого были слуги. Но я не стала спорить, потому что спорить означало заботиться, а заботиться я себе запретила еще на мосту.

– Забирай лист, – повторила я. – И браслет. Если ты пришел как гость, снимай метку чужой жены. Или уходи как муж, но тогда говори со мной у печи, а не у прилавка Корвены.

Он не двинулся. Только смотрел на меня, и я видела в его глазах ту самую темную муть, которая появлялась, когда он не знал, что делать. Я знала эту муть по ночам, когда он приходил в спальню и стоял у двери, не решаясь ни войти, ни уйти.

– Я сниму, – сказал он наконец. – Когда совет подтвердит развод.

– Совет не подтверждает развод по огненному праву, – ответила я. – Его подтверждает разбитый кубок. А кубок разбит, и Лотар принял это при свидетелях. Ты знаешь это лучше меня.

Он опустил голову. Плащ на его плечах блестел от дождя, и я подумала, что он стоит тут, мокрый, с чужой копией в руках, и не уходит, потому что уйти означает признать, что я права, а он не привык быть неправым.

– Тогда я приду без браслета, – сказал он. – Когда ты позволишь.

– Я не позволю, – ответила я. – Я решу. Это разные вещи.

Он положил лист обратно в карман, медленно, как складывают проигранную ставку. Потом посмотрел на мою руку, на перевязанное запястье, и у него дернулась щека.

– У тебя ожог, – сказал он.

– От трубки, – ответила я. – Не от твоей печи.

Он кивнул, отступил к двери, и я увидела, как Корвена выглядывает из-за полки, делая вид, что считает мешочки с травами. Рейнар открыл дверь, впустил запах мокрого камня, и на пороге обернулся.

– Двенадцать дней, – сказал он. – Не забудь.

Я не ответила. Он вышел, дверь закрылась, и лампа на прилавке качнулась от сквозняка. Корвена вышла из-за полки, посмотрела на меня, потом на прилавок, где лежало

мокрое пятно от его плаща.

– Он оставил копию? – спросила она.

– Забрал, – сказала я. – Но теперь я знаю, что она существует. И я знаю, что он готов лезть в стол к собственному дяде. Это тоже улика, только другая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.